

Вера Скоробогатова

СЕВЕРНЫЕ БАЛЛАДЫ

Вера Скоробогатова
Северные баллады

«Алетейя»

2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Скоробогатова В. А.

Северные баллады / В. А. Скоробогатова — «Алетейя», 2014

Сборник повестей и рассказов предназначен широкому кругу читателей. Под одной обложкой собраны произведения разных жанров, но все они говорят о ярком своеобразии таланта автора. Сюжеты прошлых веков и современности, так или иначе связанные с историей, природой, политикой северо-запада России, Карелии и Финляндии, гармонично сплетаются с поэзией и мистицизмом.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Скоробогатова В. А., 2014
© Алетейя, 2014

Содержание

Предисловие	5
Лисица	8
Выборг	8
Тайна	9
Сон	14
Антон	16
Мечта	18
Ритуал	21
Олеся	22
Илья	24
Первый брак	28
Копатели	29
Полоса обороны	31
Ёж	32
Замужем	34
Фабрика	42
Солнцепоклонница	45
Клинок	46
Дот	50
Отшельница	51
Трое	53
Танец на скале	55
Ушедшая в руины	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Вера Скоробогатова

Северные баллады

Предисловие

Сборник «Северные баллады» включает в себя лишь малую часть литературного творчества Веры Александровны Скоробогатовой: две повести, ряд новелл, рассказов и стихотворений.

Их герои – не только современники автора, но и несхожие между собой люди далекого прошлого: и простые обыватели, и участники исторических событий, и известные личности. Тем не менее, счастье мерцает в любых сложных, неоднозначных судьбах подобно туманным звездам.

Можно с уверенностью сказать: «Северные баллады» – это книга о счастье. В ней собраны произведения о поиске себя и своего значения на планете, о тайнах Вселенной, о путешествиях, о причинах полетов души.

Кроме тонких ходов и эффектов, проза Веры Александровны содержит любопытные исторические и краеведческие темы, глубину и силу мысли, лиричность сюжетов, тонкий психологизм, деликатный юмор. Произведения содержательны, колоритны, порой – экзотичны, насыщены образами. Они несут в себе интереснейший реализм с привкусом загадки бытия, порой включающий в себя переплетение времен, элементы мистики, фэнтези и эротики.

Вера Александровна не делает упора на динамичность событий, шокирующие детали и простоту фраз, в то же время ее тексты не несут в себе излишних вычур, внушают доверие широкой публике и вызывают поощрительные отзывы критиков.

«Для того, чтобы произведение оказывало незамедлительное воздействие на читателей, должно существовать тайное сродство, сходство между личной судьбой или хотя бы мечтами автора и судьбой, мечтами его поколения... Ведь людям неизвестно, почему они венчают славой произведение искусства... – писал Томас Манн. – Меж тем как истинная причина их восторга – это нечто невесомое: симпатия...»

Книга объединяет произведения, так или иначе связанные с Севером, Карелией, Финляндией. Кроме того, они – разнообразные и несхожие друг с другом – едва уловимо соединены вариациями мифического образа, принятого у многих народов мира – о чем речь пойдет позже.

Первая повесть сборника – «Лисица» – мистическо-романтическая история на фоне достоверно изображенных событий Зимней войны, где действующие лица – финны, карелы и русские петербуржцы.

Кроме судьбы героини, столкнувшейся с призраками из разных времен и пространств, в повести с осторожностью очерчены трудности молодых современников, психологические проблемы бывших участников военных действий, жизнь родной страны, доля сохранившегося недопонимания между народами – что актуально само по себе, помимо литературной ценности произведения.

Таким образом, «Лисица» – это робкий шаг навстречу истинному миру и добру.

Хочется прокомментировать метаморфозы, происходящие с одним из главных героев, уроженцем Сахалина – острова, сохранившего отпечаток традиций японской культуры. В определенных ситуациях Илья обращается лисом (остается загадкой: в фантазиях или в реальности).

В фольклорных произведениях народов Востока, в частности, в Японии, распространён образ лисы-оборотня, лисы-духа с достаточно вредным, но глубоким и благородным характером.

ром. Японская культура тем выше ставит человека, чем больше в нем оказывается граней и противоречий.

В мифологии лисы, как правило, проказничают и вступают с людьми в романтические отношения. Они обладают большими знаниями и магическим даром, создают сложные, почти неотличимые от действительности иллюзии, искривляют пространство и время, сводят людей с ума, но главная их способность – это принятие человеческой формы. В «Лисице» с нею связаны секретные разработки японских ученых. Как индейские шаманы обряжались в лисьи шкуры ради исцеления, так пострадавшие люди должны были в результате биологических экспериментов обрести утраченное здоровье.

В индейских легендах лисица также играла роль защитницы семьи. Подобное случилось и в повести: лиса сохранила семью героев.

На Востоке считалось, что встречи с этими животными не сулят людям ничего хорошего. Однако в новеллах китайского писателя XVII века Пу Сунлина имеются вполне безобидные истории любви лисицы и человека.

Лисам не чужды здоровый альтруизм и желание заботиться о других. Они порядочны, так как обязаны сдерживать свои обещания, чтобы не понести наказание в виде отнятия магической силы.

Они являются людям как в образах женщин, так и в образах мужчин, непостижимы в своих действиях, окрыляют человеческий дух, зачастую оказываются преданными, искренними друзьями, но возмущаются всякой попыткой использовать их.

Иногда лис бывает невидимкой и посылает свои чары только одной избраннице, сердце которой не сковано обывательским страхом. В повести «Лисица» он, подобно мифическим предкам, вмешивается в жизнь героини, неся ей роковое очарование и приводя к границам смерти, но в итоге сам же дает исцеление, мир и счастье.

В остальных произведениях сборника «Северные баллады» угадываются женские образы, так или иначе схожие с образом лисы.

В восточной мифологии лисица с золотистой шерстью может творить чудеса и проникать в тайны мироздания, покоящиеся на взаимодействии мужского и женского начал.

В святилищах часто находились фигурки лис, держащих в пасти ключи от рая, а кончик лисьего хвоста нередко считался символом драгоценного камня счастья.

Часто лисиц описывали как жён и разного рода соблазнительниц.

В тех историях случается, что мужчина женится на красавице, не зная о ее лисьей сущности, и придаёт большое значение преданности. После разоблачения героиня чаще всего вынуждена покинуть своего мужа.

Случается, что лиса становится восхитительной любовницей и верной подругой, добрым гением, охраняющим избранника от злых людей и духов.

Она также может восхитить неопишуемым очарованием, окутать полюбившего её человека наваждением, не давая жить спокойно и веля поступаться совестью. Она обольщает красотой, превращает мужчину в исполнителя своих приказаний, и тот действует, как во сне, теряя ощущение реальности, пока не умирает. Затем лиса идет охотиться за другими.

Спорный, однако, вопрос: добро она приносит герою или зло, так как трудно сопоставить нанесенный ею урон с погружением в подлинное счастье и с теми непостижимыми радостями, из-за которых человек согласен даже на явную гибель.

Лисица как тотемное животное почиталась почти у всех народов земного шара. У славян она считалась символом женственности и, как ночное животное, нередко наделялась сверхъестественными способностями. Обитающая на опушках лесов, то есть в пограничных областях пространства, лисица и сегодня часто встречается в утренних или вечерних сумерках – в период «межвременья», когда мир людей теснее всего соприкасается с миром волшебства.

Таким образом, лиса может стать проводником в царство фейри – волшебный мир, и встреча с ней, скорее всего, означает, что перед вами открылся доступ туда. Подобное случилось с героиней повести «Лисица».

Все произведения сборника «Северные баллады» несут в себе оттенки свободных ассоциаций, связанных с культурами лис. Выбор остается за уважаемым читателем: заметить их или пропустить.

Языческие и религиозные темы, задеты в книге, никоим образом не противоречат ни одной из конфессий.

Лисица

Выборг

В открытое окно лилась прохлада осеннего неба. Ветер бросал на одеяло мятые кленовые листья. В комнату сквозь мокрые ветви проникали солнечные лучи и медленно ползли по розовой стене. На лежавшей рядом подушке виднелись волоски темной шерсти. От наволочки исходил едва различимый лесной запах – привычный, но неизменно волнующий.

Умиротворенная, счастливая душа рвалась созидать, продолжая гармонию с миром. Олеся улыбнулась блаженству минувшей ночи, и, повалявшись немного в кровати, вышла к заливу².

Северный ветер поднимал волны. В кармане куртки, как много лет назад, лежал старинный клинок. Память с готовностью выдавала картинки прошлого, и фантазия плавно вливалась с ее бездонные недра. Годы спустя становилось понятным то, что некогда сводило с ума, и время дарило право придавать сюжетам личной истории новый смысл.

Олеся присела на траву возле замка, перед обрывом. Она помнила, как шла по набережным, как взбиралась по замшелым ступеням. Помнила, что далеко внизу, прямо перед ней – вода...

Возможно, всё было сном: средневековье, конец XIII века, маленькое русско-карельское поселение на вершине холма. Начинаясь заходить солнце золотило неуловимой игрой лучей песчаную насыпь с частоколом и находившиеся за ней дворы.

Издали доносились звуки простенькой мелодии: кто-то играл на варгане. И так же точно розовел горизонт, и так же точно вдалеке шумели дети...

Светловолосый широкоскулый богатырь стоял лицом к заходящему диску, пытаясь различить в его сиянии зеленый луч, символ победы. Торкель Кнутсон размышлял о том, как правильнее воспользоваться ослаблением Руси и завладеть побережьями Финского залива. Шведы уже подчинили себе часть угро-финских племен и подбирались к северорусским землям, однако в полевых сражениях не везло. Приходилось делать пиратские набеги и потихоньку строить укрепления.

Едва уловимое движение отвлекло правителя от раздумий: в нескольких шагах от себя он увидел тусклый отблеск. В траве лежал оброненный кем-то нож. Машинально разглядывая лезвие, Кнутсон заметил на неровной мерцающей поверхности непонятное движение. Кажется, кто-то подглядывает оттуда, словно из щели между плохо положенными бревнами.

Из близкого, но неосязаемого мира ему улыбалась светловолосая женщина. Кнутсон повертел клинок, стараясь поймать им солнечные блики, и наконец ясно различил большие зеленые глаза, лицо с широковатыми скулами – слишком нежное, чтобы быть реальным в суровой действительности, и слишком родное, чтобы оказаться игрой воображения. Что-то неясное, похожее на отцовские чувства, шевельнулось в его душе. «Кто ты?» – спросил он.

«Во мне твоя кровь. Я иду за тобой, но никогда тебя не догоню, – ответила женщина. – Я знаю: скоро ты разрушишь поселок, возле которого стоишь, и прикажешь заложить на его месте город... В котором я живу!»

Вскоре Кнутсон возвел на острове мощный замок, и новгородцам не удалось его отвоевать. Вокруг разросся шведский город, обнесенный каменной стеной, земляным валом и рвом. Нож правитель унёс собой.

Тайна

Попав в раннем детстве в Карелию⁴, где родные снимали дачу, Олеся ощутила себя частью новой Вселенной, казавшейся простой и понятной. Эта земля вошла в ее сердце как двуликий, наполненный волшебством мир. Еще долго никакие впечатления не могли перекрыть своей силой отголосок эмоций, испытанных наедине со скалами, соснами, белыми мхами и озёрной гладью.

В то же время на другом краю Земли пухленький темноволосый школьник сгорбился у подножия высокой зеленой сопки. Он убежал от одноклассников и теперь сидел, опираясь руками о прибрежный песок. Крупные русые кудри спадали на лоб, шейные вены были вздуты. Заложенность и сдавленность в груди переходила в удушье. Тяжелее всего давался выдох. Из груди шел громкий скрипучий хрип.

Сильный морской ветер ненадолго облегчал дыхание, но потом снова глаза застилала пелена. Это продолжалось второй час.

Мальчик считал свою жизнь бесконечной и видел удушье колючим красным драконом, мучившим его с двух лет.

«Уйди, надоел», – шептал Илюша, теряя сознание.

Обычно кашель усиливался по ночам или ранним утром, мешая спать. Однако приступы случались и в другое время. Мальчик громко, часто дышал и судорожно хватал воздух ртом. Время от времени ему вызывали «скорую».

Из-за снежных буранов, землетрясений и прочих ЧП дальневосточный островной городок часто оставался без электричества и отопления. Печи в домах не предусматривались, и газовая плита была подчас единственным средством обогрева квартиры. Врачи говорили, что это могло спровоцировать болезнь: дыхательные пути мальчиков имеют маленький просвет, и повышенная концентрация азота в воздухе приводит к появлению спазмов.

Дракон не отступал, давил железными когтями на грудь. Обессилев, Илюша закрыл глаза. Исчезли берега Сахалина¹⁶ с выброшенными морем листьями ламинарии. Вместо песка и больших сиреневых ракушек мальчик увидел перед собой землянику и мягкий белый мох. В нескольких шагах журчал ручей и маленькая светловолосая девчонка рассматривала ежа. Тот с опаской косился на нее, высунув мордочку из-под серых игл. Вокруг росли еще не виданные Ильей травы и маленькие цветы, разноцветные и пахучие.

Олеся обнаружила, что деда нет рядом. Она потерялась, но в душе царила беззаботная веселость. Было радостно остаться одной в огромном и ярком мире, где каждая травинка пела свой особенный мотив. И никто не звал обедать, не подгонял, заставляя быстрее идти вперед, никто не мешал слушать лес.

Она не хотела гулять с дедушкой, который не замечал ни ягод, ни пестроты цветов, словно искал в лесу нечто другое.

Светило солнце. Комары исчезли. Олеся с улыбкой смотрела вокруг и была счастлива неповторимым, ничем не омраченным счастьем, какое возможно лишь в раннем детстве. Она строила на поляне домики из грибов и следила за течением ручья.

Неподалеку резвился лисенок: хватал лапками синие шапки васильков и пригибал их к земле. Потом прыгал с разбегу в гущу «часиков», расправляя в полете длинный пушистый хвост, похожий на толстую вытянутую грушу. Зверек напоминал веселого котенка, но фыркал, как щенок. Он живо интересовался травами и обнюхивал фиалки, багульник, подорожник, даже жгучую крапиву. Откусывал кусочки и жевал, смешно высовывая язык. Олеся вспомнила: дедушка говорил, будто животные лечатся растениями вместо таблеток и уколов.

Потом пришла ночь. Девочка не боялась темноты, но окружающий мир стал различаться с трудом. Лишь зеленые глазки лисенка светились задорными огоньками.

Она отправилась искать дорогу домой. Пышный мох, осыпанный неспелыми ягодами, уходил вниз под давлением ее ножек, корни деревьев обнажались и мешали идти. Олеся зацепилась и падала. Лисенок подбегал и совал ей в лицо свою острую мордочку, словно проверяя, все ли в порядке. Девочка чувствовала носом звериное дыхание. Она смеялась и пыталась поймать пушистое тельце, но зверек всякий раз уворачивался. «Ах ты, лесной пушок!» – восторженно хлопала в ладоши Олеся.

Взрослые люди пугаются темного лесного безлюдья. Если нога проваливается во влажную глубину и застревает среди коряг, любого путника сковывает ужас. Кажется, будто леший тащит его в свою берлогу, а за спиной кривляются черти.

Взрослый забился бы под ель и там дожидался утра, но Олеся наперегонки с лисенком семенила через болото. Ее воображению представлялись бородатые охотники, с луками и копьями, в длинных, с красной вышивкой рубахах, и девушки в красно-белых платьях. Возле их широких узорчатых поясов висели ножи.

«Не найдется в мире целом
Зверя с быстрыми ногами,
Чтоб ушел от молодого
Лемминкайнена на лыжах...»

– напевал плечистый белокурый парень. Далеко разносилась его песня. Лево́й ногой двинул и, как змея по болоту, скользнула левая лыжа. Правой двинул – и, будто ладья по реке, понеслась правая лыжа. Туулики – молчаливая лесная царевна – вышла из своего жилища, чтобы помочь охотнику изловить волшебного лося.

Пушистый спутник отбежал в сторону от Олеси и внезапно замер, наткнувшись на невидимую ей странную сценку. Бусинки светящихся глаз, похожие на небесные звездочки, удивленно блестя, подзывая девочку ближе.

Олеся добралась до края болота. Ее ножки запутались в стеблях клюквы, покрывавших нитяной сетью мох. Девочка снова упала, и руками наткнулась на камень. Подняв голову, она увидела перед собой замшелую скалу. Вершина освещалась рассеянным лунным светом, пробивавшимся сквозь ветви деревьев. Из глубоких трещин вытекала влага и собиралась в крупные блестящие капли. Казалось, что скала, подобно человеку, плачет от непоправимого горя. В душе девочки шевельнулась жалость. Олеся обняла камень, погладила ладошками шершавую влажную поверхность, тёплую, словно живое существо. Сердечко гулко стучало, и, казалось, это у скалы билось сердце. Она прислонилась к камню щекой и затихла, всматриваясь в пространство. Лисенок улегся рядом, по-кошачьи обвив себя хвостом.

Медленно поднималась луна. Вскоре Олеся различила белый снег.

Снег лежал на земле. Снег окутывал, словно пушистой ватой, ветви елей и сосен. Снег падал с неба крупными хлопьями, но от него не веяло холодом. В лесу было тепло. Стоял погожий июль.

Олеся еще не повзрослела настолько, чтобы удивиться происходившему. В четырехлетнем возрасте человека одинаково удивляет и радует любое новое. Ребенок искренне открыт миру, а значит – всем мирам, и безоговорочно принимает каждую данность.

Вскоре она услышала шаги: по лесу шел отряд. Впереди двигались на лыжах молодой бородатый мужчина и маленькая женщина в круглой меховой шапке.

«Нина, выживет мой друг? Скажи честно», – услышала притихшая Олеся. «Ему осталось не больше суток», – ответила женщина. Ее спутник опустил голову.

Девочка, прижимаясь к мокрой скале, в оцепенении внимала. Высокая фигура бородача казалась знакомой. Олеся хотелось закричать: «Дедушка!» Но она словно онемела. Куда делись его старческие морщины, вялость движений, отстранённость взгляда? Алексей был совсем молод.

Он молча ждал, когда мимо пройдет весь отряд. Люди шли к озеру, неся на себе обессиленных соратников.

Возле скалы остались высокий финн Паюла, дедушка, которого товарищи называли Ежом, и старик, завернутый в плащ-палатку.

«Иди, – тихо сказал раненый другу. – Плохое скоро забудется, хорошее – останется». Ёж со вздохом взял его руку. Олеся видела бессильную улыбку старика. Она хотела подбежать к ним, но не могла двинуться с места.

«Иваныч, – тихо проговорил Ёж, – возьми мой клинок. Он в древности принадлежал викингу. Хочу, чтобы он помог тебе!» Раненый замер в нерешительности. Приятно было, что друг верит в его выздоровление.

«Ну, пора», – хрипло произнес Ёж. «Пора», – с акцентом повторил за командиром Паюла.

Алексей, не оглядываясь, двинулся вслед за отрядом. Финн и Петр Иваныч остались в засаде. Парень, пытаясь заглушить страх, торопливо заговорил по-фински: «Они не придут! А если придут, мы успеем их уложить... Их мало... Мы отметим ваш день рождения. Мы еще много раз будем встречать Рождество...» Он не знал, что враги уже почти нагнали отряд. Послышался треск сучьев, и в ночном лесу, еще недавно ласкавшем Олеся безмятежным покоем, началась стрельба. Люди кричали и падали, слышалась ругань. По спине Паюлы, одетого в белый балахон, расплывалось темное пятно.

Раненый старик выхватил подарок Ежа, намереваясь ударить им первого, кто подойдет. Однако заметил необычный блеск лезвия и, всмотревшись в него, крикнул: «Не спрашивай, кто я! Помоги!»

Внезапно видение исчезло. Не стало ни партизан, ни финских солдат, ни белого снега. Вокруг виднелись летние деревья и звенела тишина...

Девочка вскочила на ноги. С широко раскрытыми глазами она подбежала к тому месту, где в последний раз видела партизан. Следуя внезапному побуждению, она ошупала мох, но ничего не нашла. Тогда маленькие ручки стали разгребать в стороны мягкую землю. Вскоре показался плоский металлический предмет – тот самый нож, вернее, его клинок: деревянная рукоять и ножны из оленьего меха истлели. Олеся не понимала причины внезапного превращения, однако нож узнала. Крепко держа его в руках, девочка побежала в ту сторону, куда час назад ушли по-зимнему одетые люди.

Она ни разу больше не споткнулась и скоро выбралась к лесному озеру, над которым висела огромная желтая луна.

Тишину нарушали её собственные шаги. Олеся уселась на берегу и долго смотрела на мерцающую в лунном свете водную гладь, вдыхала теплый, пахнувший травами воздух и незаметно уснула.

Снилось девочке, что она вовсе не спит и слышит голос озера, похожий на гулкий вой неведомого зверя. Затем из воды показалась голова огромной рыбы.

«Где дедушка?» – спросила Олеся. Неповоротливое чудище шумно вздохнуло, и на его морде появилось выражение, похожее на улыбку. Голос оказался низким, как раскаты грома, и Олеся едва различила слова:

«Завтра ты уйдешь к родным. А сейчас отдай нож – он тебе ни к чему». Девочка послушно бросила клинок в воду. Послышался тихий всплеск, и находка, к которой привел девочку любопытный зверек, ушла на дно.

Проснувшись, малышка увидела рядом с собой землянику. Лисенок и нож исчезли. Снова светило ласковое солнце. Природа словно разговаривала с Олесей. Девочка чувствовала себя дома. Это был ее четвертый день рождения.

Вечером ее нашли. Никто не понимал, каким образом Олеся сумела пройти по лесу сотню километров. Родные полагали, что ребенка похитили. Но девочка была абсолютно здорова, и непонятная история постепенно отошла в прошлое.

«Я видела тебя той ночью, деда! – говорила девочка на ухо Алексею. – А ты не заметил меня из за камня. У тебя странные друзья. А почему ты снова сегодня старый? А где Паюла?»

Алексей вздрагивал от ее слов и пытался перевести разговор в русло легенд и сказок, чтобы малышка забыла видение.

* * *

Мальчик очнулся у подножия сопки. Его обнюхивала собака. Дыхание было ровным. Издалека бежала мама.

«Где Олеся? – пробормотал Илья. – А я еще лисица? Или снова человек?»

Мама обняла, принялась тормошить, но его не отпускало беспокойство: «Она совсем маленькая, а я привел ее на войну, мне было интересно там. Но она осталась, а я здесь...»

«Всё прошло, милый, – плакала мама. – Тебе показалось. Ты всегда был человеком. А девочка тебе приснилась...»

После поедания трав во время необъяснимого путешествия Илья почувствовал себя лучше. Звериное чутьё подсказало ему, какие из лесных растений могут вернуть здоровье. Словно сами травы шептали: «от меня откуси один листочек», «а от меня два», «нас разжуй сейчас», «а нас немного позднее»...

Теперь мальчик бегал не задыхаясь. Днем красный дракон больше не появлялся. Однако ночами по-прежнему подкатывали приступы удушья, и Илюша вновь оказывался далеко от дома. Иногда в дремучих лесах, иногда – в далеком Ленинграде. Прячась от людей за колоннами, под стоявшими машинами, он старался плотнее обернуться длинным хвостом и высматривал в толпе знакомую девочку.

Дома Илья листал справочники растений, пытался узнать травы на картинках и искал их в аптеке. Просил мать варить репу и морковку в молоке. К ее радостному удивлению ребенку становилось лучше, и она уступала.

«А еще репу трут на терке, – говорил мальчик матери, – отжимают через марлю сок, кипятят на слабом огне минут пятнадцать. Пьют три недели по четыре раза в день». Та удивленно округляла глаза.

Постепенно Илюша увлекся фитотерапией. Настаивал в банках ячмень и лепестки подсолнуха. Близкие улыбались, но не мешали ему.

Через полшда приступы исчезли совсем. Минуло пять лет, и мальчик успел забыть, что такое удушье. Однако видения иногда повторялись без участия дракона, по некоему внутреннему побуждению.

Много лет Олеся пыталась понять, что произошло с ней накануне четвертого дня рождения. Детская память изменчива: с возрастом события могут спутаться, видоизмениться. Но Олеся помнила спорную ночь очень ясно.

Поначалу девочка думала о лесных людях как о героях карельского эпоса. Словно мудрый Вяйнемейнен и веселый Лемминкайнен сошли со страниц детской книжки. Только были

они иными и думали не о сотворении мира, не о богатстве и не о любви, а о чем-то страшном и противоестественном.

Дед Алексей, молодым парнем участвовавший в войне с лахтарями⁷, а затем в Зимней войне, был человеком замкнутым и неохотно отвечал на детские вопросы. Богатырского роста и телосложения, он сидел один на просторном диване, полузакрыв в задумчивости глаза.

«Зачем тебе знать о войнах, малышка? – говорил он. – Лучшее для тебя – это радоваться миру, учиться и быть хорошей хозяйкой. То, что привиделось тебе в лесу, было неправильным сном, забудь его. Девочка твоего возраста должна видеть во сне только пушистых зверушек и сладкие пирожные».

«Там был пушистый зверек, – улыбалась Олеся, – лучший на свете. Давай поедem туда опять». Дед отшучивался от попыток Олеси склонить его к новой поездке в Карелию. Девочка нашла и потеряла в лесу то, что искал он сам. Теперь он клял себя за то, что брал Олеся с собой, полагая, будто маленький ребенок ничего не поймет, либо забудет.

Я знаю: это не было сном, – настаивала внучка, – и хочу вернуть мой ножик!» Дед не упорствовал, но хитро сталкивал девочку на другую тему. Он опасался, что лесные призраки перекорежат ребенку жизнь. Однако ему, как всякому старику, был приятен интерес внучки к событиям прошлого. Постепенно сдержанный дед начал с осторожностью рассказывать о войне. Вечерние беседы вошли в привычку. Олеся ложилась спать, а он садился в кресло рядом с кроватью.

«Во время Финской войны наступавшая Красная Армия столкнулась с мощными укреплениями. Их называли «линией Маннергейма», но на самом деле фельдмаршал лишь усовершенствовал начинания Петра I, который хотел защитить Карельский перешеек³ и побережье Финского залива от шведов.

В 1918 году Ленин с раздражением вывел беспокойное княжество Финляндское¹ из состава России, забыв о том, что отдает финнам военные постройки. А те довели укрепления до ума и позже использовали против нас».

Деда мучили старые раны. Душу переполняла энергия, но в конечностях уже не было сил. Обнимая спящую малышку, он смотрел в окно и не мог поверить, что длинная, почти вековая жизнь осталась позади – как один миг.

На стене соседнего дома висел рваный плакат с рекламой рок-концерта. Идея, неделю назад соединявшая обтрепанные клочья, потерялась, но между половинкой носа артиста, его ладонью и желтыми строками возник новый союз, будто бессмертная душа продолжала выражать себя с помощью доступных ей знаков. Некая сила не соглашалась с исчезновением своего дряхлого тела.

«Вот так и я, – подумал Алексей. – Некогда грозный богатырь, а теперь обессиленный старик... напоследок едва шевелящимися губами передал каплю своих мыслей маленькой девочке. Которая меня не поняла, как я не понимаю обрывки плаката. И вот мои клочья подхватывает ветер, кидает в грязную реку... И я теку вместе с обертками от конфет и птичьим пометом к далекому желтому свечению...»

Сон

В начале первой «чеченской войны¹⁰» все подразделения были сборными, необученными и не прошедшими курс боевого слаживания. Экипаж танка должен быть крепкой семьей, понимать друг друга с полуслова. Механик-водитель обязан без слов улавливать, куда вести машину, где остановиться, где поддать газу, как помочь наводчику точно прицелиться и выстрелить. Кроме того, парни были совсем молоды.

Когда малознакомые люди вместе попадают в сложный житейский переплет, неизбежны истерики и ссоры. У боевого экипажа финал другой – смерть.

Январские бои в Грозном пресекли почти все проявления характеров. Немыслимые потери ужасали. Многие солдаты утрачивали контроль над собой, офицеры теряли управление подразделениями. Всех накрывало ощущение апокалипсиса.

Изуродованные трупы сослуживцев, крики и кровь раненых друзей, обилие смерти вызывали у юных солдат стрессовые состояния и нарушения психики. Бойцы ломались. Они либо дурачились, либо остервенело и бестолково кидались под пули, умножая страшные картины и втягивая в массовое сумасшествие новых солдат-мальчишек. Кто-то беспорядочно стрелял и метался, кто-то впадал в ступор. Были и те, что справлялись с первыми реакциями и вели прицельный огонь, спасали раненых...

...Небо стало черным, осколки камней и комья земли закрыли горизонт. Жажущие легкие лихорадочно хватали смесь пыли и гари. Уши Антона уже не воспринимали грохот – казалось, внутри самой головы стоял нескончаемый гул.

Вспыльчивый парень чувствовал, как в нем бурлит бездонная злоба. Она разрывала изнутри, выплескивалась на других солдат, на старших по званию, на пленных и на безоружных местных жителей. Злоба вытесняла страх, собирала силы, уменьшала боль. Он быстро стал лихим бойцом и поначалу воспринимал войну как приключение. Ему нравилось демонстрировать свою браваду и представлять ужас матери, от которой сбежал в армию. Пусть эта благополучная женщина терзается отчаянием, поняв, до чего довела любимого сына, заставляя осваивать профессию инженера. Антону казалось, будто все, кому нужна его жизнь, смотрят на него глазами матери.

Опасность срывала с тормозов, давая остроту близкой и однозначной цели, чего не бывает в мирной жизни. Здесь всё было ясно и не приходилось думать о будущем. Ловкий, с пьяной сумасшедшинкой в глазах, Антон казнил и миловал с улыбкой – если выпадала возможность.

Рядом в окопе, скрючившись, сидел длинный светловолосый парень, пермяк. Они вместе ехали в Чечню и держались друг друга с первого дня.

На войне все ценят «чувство локтя» и уверенность в друге. Рождается братство по крови, которую были готовы вместе пролить, братство по совместно прожитой смертельной тоске, которое связывает крепче родственных уз и сохраняется десятилетиями.

«Влад!» – Антон толкнул локтем друга, предлагая ему переползти правее, но безголовое тело парня упало на дно окопа. Дикая гнев подбросил Антона, как пружина. Готовый сокрушить всё, что попадется на пути, он бросился в дымный смрад. Словно в немой замедленной съемке, как цветок, рядом распустился еще один взрыв...

Следом Антон с удивлением увидел белую палату. Из его носа торчали медицинские трубки. Пошевелиться не получалось, тело не слушалось, словно не имело к Антону отношения. Глаза смотрели лишь в одном направлении, больно было даже моргать. Боль пульсировала везде. Казалось, весь мир состоит из боли.

Пришедшие к соседям по палате женщины пугались, принимая Антона за труп. Но ему уже ни до кого не было дела.

Он стал мечтать о единственной – той, которая, в силу своей доброты и нежной наивности, могла бы любить его далекое от идеала существо. Чтобы плакала у его постели. Жалела его, внезапно ставшего беспомощным...

Превозмогая дикую боль, он сберегал сознание. Усилием воли удерживал утекающие мысли и звал: «Где ты, Олеся? Страна сделала меня таким. Но я не видел в войне смысла и представлял, что защищаю тебя. А ты не идешь. Наверно, ты гуляешь с бандитами и всякими подонками. Тебе хорошо и весело. А я лежу тут. Это несправедливо. Зачем жить? Эй, кто-нибудь, дайте эвтаназию...»

«Брр... Приснится же такое, – поежилась Олеся. – Почему страна? Страна – это люди, которые не хотели войны...»

Парень думает обо мне плохо... И хочет, чтобы я плакала... Разве любящие мужчины так говорят?»

АНТОН

Его родная деревня стояла неподалёку от древнего Свирско-Онежскош торгового пути. Во времена колонизации Севера восточными славянами это был единственный путь среди лесов и болот. С тех туманных пор на берегах Свири сохранились клады, и каждый подросток пытался их отыскать.

Но скопища монет обычно находили археологи, а мальчишки натыкались на простые грунтовые могильники в курганах. Существовало поверье, что раскапывать их опасно: можно разбудить злых духов. Кто-то верил в это, кто-то нет, однако все стремились увидеть собственными глазами пласты древней жизни. Некоторых сдерживали страх, буйная фантазия или видения, некоторых – предубеждение против гробокопательства, и всё-таки каждый хоть раз занимался так называемыми черными раскопками. Каждый имел представление о древнем и средневековом инвентаре, каждый хранил в своих тайниках диковинные для современников вещицы: украшения, амулеты, позеленевшие от времени узорчатые браслеты, ножи, наконецники стрел, стеклянные бусы, поясные пряжки.

Антону пришлось много читать, сопоставлять научные работы, прежде чем он начал разбираться в найденных предметах.

Больше всего ему нравились древние топорики с оттянутым лезвием и полукруглым выемом в основании – такие завезли в десятом веке из Скандинавии. Теперь они лежали в языческих погребениях мужчин. Забрать у мертвого топорик, символизирующий его былую мужскую силу, и не поплатиться за это – вот о чем мечтали деревенские подростки. Антон не верил ни во что, касающееся верований, а тем более в остаточные энергии древних скелетов, и спокойно коллекционировал полюбившиеся предметы культа. Парню казалось, будто с появлением каждого нового топора сам он становится значимее.

Предки Антона были осторожнее и страховали себя от нападения злых духов, соблюдая мистические ритуалы: клали в гробы клыки лисицы, а вместо гвоздей вбивали ножи.

Антон воображал себя победителем, натываясь на фрагменты древней жизни. Казалось: вот он, живой и молодой, стоит здесь властелином, а тот, кого когда-то боялись сотни или даже тысячи, лежит под ногами, превратившийся практически в ничто. Неважно, что не было боя... Важна итоговая картина.

На берегах реки встречались и захоронения женщин. Кроме безделушек, в ногах покойниц лежали большие кресты, которых не было у мужчин. Антона занимал вопрос: почему они были христианками и язычницами одновременно, в то время как мужья – только язычниками? Как весело было бы поговорить с ними! Но они посылали лишь привет из своего одиннадцатого века – плоские подвески в виде прорезных уточек и двухголовых коньков.

Коренастый русоволосый Антон был некрасив, но обладал ангельскими кудряшками и кротким взглядом, за что его любили все местные старушки. Молчаливый, он становился порой сентиментальным до слез, а порой – агрессивным, безжалостным и грубым. Он умел производить впечатление, но делал вид, что внимание ему не нужно.

Парень много читал, упорно учился и собирался в будущем переехать в город. Притворщик по натуре, страдал от неискренности мира. Мечтающий о настоящей любви, не признавал женскую слабость.

Он влюблялся платонической любовью то ли в жительниц далеких веков, то ли в плоды своего воображения. Он бродил по лесам, и вместе с ним безмолвно бродила воображаемая идеальная спутница – девушка с длинными светлыми волосами. На раскопках они вместе искали металлических барашков, коньков с волнистым орнаментом и фибулы, а потом продавали их археологам и туристам.

Он дарил Ей скандинавские стеклянные бусы...Была ли она фантазией? Она всегда сопровождала его в лесу, одетая в длинное красное платье. Ее волосы стягивал кожаный ремешок. Антон мысленно разговаривал с ней, а под вечер молча сидел рядом на берегу...

Десять лет спустя, пройдя военный ад, Антон жил уже без фантазий и страстей. Единственное, что по-прежнему волновало его – это могилы и мертвецы. Вид смерти стал привычным и необходимым ему, а вид давно минувшей смерти успокаивал и вселял уверенность в собственных силах.

Мечта

Постепенно у Олеси не осталось сомнений: памятной ночью она видела эпизод либо Зимней, либо гражданской войны. Мистические вопросы смущали девушку, но она доверяла своей памяти. Она видела то, что никому на земле теперь не было известно.

Олеся помнила клинок, и собиралась его найти. Однако заблудилась она в средней, в северной Карелии, или в районе линии Маннергеймана эти вопросы не было ответов. Олеся не знала, где находится озеро. Она могла бы перепутать его с любым другим, расположенным в похожей местности.

Олеся росла, чувствуя душевное одиночество, вылившееся со временем в отчаянную потребность любви.

Одноклассницы влюблялись в юношей на несколько лет старше себя, рассказывали о признаниях и первых поцелуях. Девочка присматривалась к соседям, к встречавшимся на улице молодым людям. Она искала кого-то глазами, перебирала в памяти все знакомые лица, чудилось: еще немного – и свершится нечто волшебное: при взгляде на особенного человека засияет новая звезда, отступит чувство потерянности. Ее половинка даст ей уверенность в себе, станет настоящим верным другом и красивой любовью. Но река времени текла, унося в неизвестность все новые дни юной жизни, и никто не казался Олесе тем самым... Во всех не хватало чего-то неуловимого, неясного и настолько важного, что воспринять кого-то как предмет любви казалось невозможным. Они были чужие. Зачастую понятные, но – непонимающие.

В тот период жизни Олеся открыла в себе поэтические способности. Однажды избыток грез, возвышенных и горячих чувств, не имеющих адреса и еще очень далёких от женской страсти, захотелось излить на бумагу.

Солнечным апрельским днем Олеся написала в конце тетради стихотворение о любви. От мужского лица. Торопливым, едва ли узнаваемым почерком.

Читать кому-либо свои произведения она не собиралась; напротив – хотелось по-тютчевски скрывать оные, не выставляя напоказ сердечные язвы. Но случилось так, что подружка, украдкой взявшая тетрадь, прочла небрежные строчки. Олеся краснела, отказываясь отвечать на вопросы: не желала говорить, что пишет стихи. И девочки подумали, что у нее есть парень. Одноклассницам хотелось, чтобы у Олеси тоже был друг! В тринадцать лет поведение и внешность мальчиков казались самыми интересными темами разговора. Поотпиравшись, Олеся сдаётся: есть.

Далее каждый день девочки спрашивали ее о новых письмах таинственного А.Б., – так Олеся назвала своего друга. И он писал!

«Позабудь свою тоску,
Улыбнись скорее!
Помни: я тебя люблю
С каждым днем сильнее!»

Сочиня самой себе письма, Олеся начала испытывать огромную радость, словно от общения с кем-то существующим. Она стала мысленно говорить с А.Б. и незаметно создала ему целую жизнь. Затем последовали совместные прогулки: Олеся бродила по улицам одна, но с полным ощущением того, что их двое.

А.Б. ждал ее у эскалатора на станции «Нарвская», и они отправлялись в парк, где стреляли в тире и катались на каруселях. Иногда шли в мороженицу, или, если была холодная погода, в универмаг рассматривать витрины.

«Зачем все это происходит?» – спрашивала Олеся. А.Б. отвечал ей:

«... Нелюбимым возможно жить,
Но не любя – невозможно...»

То время запомнилось Олесе как очень счастливое. Полная идиллия, безмятежность и красота, отсутствие разногласий. Не было больше одиночества, не было вопросов о смысле бытия. В сердце царила необъяснимая радость.

«Я обязательно забуду его, – клялась Олеся самой себе. – Забуду, как только у меня появится настоящий, живой, осязаемый парень! Тот, кто сможет заменить А.Б.!» Но когда кто-то начинал ей нравиться, Олеся быстро понимала: человек имеет недостаточно сходства с ее мечтой. А ведь казалось, нужно совсем не много: не было даже конкретных представлений о его внешности.

Иной раз Олеся, прослonyaвшись много часов по улицам, заходила в какой-нибудь дом, нажимала в лифте первую попавшуюся кнопку, поднималась на этаж, приближалась к незнакомой квартире и была почти уверена, что Он находится по другую сторону выбранной двери... Однако позвонить не решалась, чтобы в один момент не разрушить свою любовь.

Летели годы. Обстоятельства менялись, однако осязаемый А.Б., тот единственный, в союзе с которым не могло быть фальши, так и не появился.

«Где ты, Единственный,
Бродишь по земле?
Где ты? Я издавна
Грежу о тебе.

Жду, но ошибками Полнятся года.
Где ты, Единственный?
Ты – моя звезда.

Лишь тебя, Единственный,
Я могу любить.
Собираюсь с силами,
Чтобы дальше жить...»

Встречался кто угодно, только не Он. И нужно было, как показалось Олесе, покончить раз и навсегда с детской иллюзией. Она сообщила подругам, что А.Б. умер...

Ей не хватало его. Ночами, лежа рядом с любящим, мирно спящим мужем, Олеся плакала о потерянном друге. В глубине души теплилась слабая и уже непростительная для замужней женщины надежда: а вдруг Он все-таки где-то есть? Эта детская глупость мешала ей жить взрослой жизнью. Или, напротив, правда жизни пробивалась сквозь толщу цинизма и компромиссов? Пыталась воскресить осколки собственной сущности?

Подростковые иллюзии, переходя во взрослую реальность, редко оборачиваются благом. Олеся ждала от мужа понимания своего внутреннего мира, похожего восприятия жизни. И ей не хватало мудрости заметить счастье.

Мягкий, заботливый Илья не чувствовал музыки сердца, которую ловила она: его разум был земным и твердым. Он смеялся над мистикой, над прогулками под луной и не любил стихов. Его привлекала обычная размеренная жизнь: работа – дом – любимая жена – вкусная еда – телевизор – изредка театр или концерт. Подобный распорядок не может удовлетворить

пылкую девичью душу, мечтавшую об ином. О чем именно? Она и сама не знала. Но реалии счастливого замужества показали Олесе катастрофой.

Однако темноволосый, спокойный Илья понравился ей с первого взгляда. В нем было что-то родное и милое, что-то очень живое и очень настоящее. Рядом с ним хотелось просто быть! Само его присутствие словно шептало: «Всё будет хорошо!»

Он написал на стекле трамвая: «Я тебя люблю!» Они поженились через месяц знакомства, потому что им не хотелось расставаться ни на минуту.

Выходя замуж, юная девушка ждала небывалых чудес, неизведанных радостей. Чего-то, сравнимого по силе душевного восторга с играми возле ручья накануне четырехлетия... Но прекрасный секс не утолил ее духовной жажды.

Илья в первую очередь ждал от брака покоя, порядка в хозяйстве, хорошего регулярного питания, а Олеса считала это полной бессмыслицей.

Через два месяца девушка решила, что ее жизнь разбита, мечты погбли, и лила бесконечные слезы. Илья пытался утешить любимую, не понимая, в чем дело. Ведь он был порядочным, ласковым, ответственным мужем. Пусть они читали разные книги, предпочитали разную пищу, но он любил и принимал Олесю такой, какой она была, умиляясь ее недостатками. В конце концов, он не давал ей почувствовать бытовые трудности: вкусно кормил, потакал капризам, покупал красивую одежду и украшения.

Она любила прижиматься к его упругому брюшку и согреваться ночами возле крупного тела. Любила его мужской запах, его теплые губы, внимательный взгляд зеленых глаз. За эти глаза, напоминавшие детский сон, за красивый аккуратный нос и темную шерстяную полоску посреди живота она прозвала Илью Лисенком. «Почему Лисенок, – смеялся тот, – я больше похож на моржа!» Но по внутреннему ощущению он был ее лисенком – лесным пушком, ломавшим лапками васильки...

Олеса наслаждалась его присутствием. Он был ласков, чувствителен и отзывчив. Несмотря на крушение неясных надежд, с ним было приятно и светло, и она не представляла себя без Лисенка. Но глупому юному сердцу этого показалось мало: оно требовало заумных ночных бесед, романтических странствий, возвышенной поэзии, которые оказались чуждыми или просто непривычными для Ильи. Взрослый, серьезный инженер ратовал за здоровый образ жизни, просил Олесю повзрослеть и выкинуть из головы глупости.

Ритуал

Однажды на майских праздниках Олеся гостила у подруг на даче. Стояла чудная погода, но никто не захотел составить ей компанию для прогулки в лес, чему Олеся втайне радовалась. Она любила лесное уединение.

Постепенно она забралась далеко в глушь. Шла тихо, одетая в неприметную одежду, и вдруг уловила далеко впереди движение. Вместо того, чтобы покинуть беспокойное место, она решила догнать неведомого человека: быть может, хотелось увидеть подобного себе чудака, а может – встретить родственную душу, в существование которой уже почти не верилось.

Олеся приблизилась к елани, посреди которой находился большой, с неровными подножиями холм. Лицом к нему, приветственно подняв руку, стоял босой молодой человек. Присмотревшись, Олеся поняла, что на его обнаженное тело накинута плащ, сплетенный из тонких, уже покрывшихся молодой листвой березовых веток. Ветер перебирал длинные, слегка вьющиеся волосы парня и листья его неправдоподобной развевающейся одежды.

Скоро незнакомец наклонился, осматривая и очищая землю под своими ногами. Он лег лицом вниз, разметав полы березового плаща. . . Он не просто лежал, а производил едва заметные движения. . .

Наконец из горла вырвался громкий полукрик-полустон радости и облегчения. Парень вскочил, улыбаясь, взял лопату и начал собирать в ржавое ведро оплодотворенную землю, бормоча едва слышные Олесе заклинания: «... До червня могильного...» А потом разметал эту землю далеко вокруг себя с вершины холма.

Олеся подумала: «Язычники совершали подобные действия ради будущих урожаев, а чего хотел этот мужчина, явно не земледелец?»

Пораженная, она забыла об осторожности и выдала своё присутствие, сделав несколько шагов вперед. Молодой человек обернулся, и целую минуту они, не отрываясь, пристально смотрели в глаза друг другу. Потом парень неторопливо оделся в поношенную военную форму, взял в руки лопату, длинный металлический прибор и выжидательно посмотрел на Олесю изда- лека. Она не выдержала пристального, бесстрастного, словно волчьего взгляда и бросилась прочь от язычника. Он не стал ее догонять.

Впоследствии ритуал оказался полушуточной традицией копателей, исследующих места боев. Ритуал призван был, помимо острых ощущений, принести удачу в предстоящем сезоне: побольше «рогатых» немецких касок и прочего, имевшего на рынке хорошую цену.

Олеся

Каждый год накануне дня рождения Олеся анализировала свою жизнь.

Она стала модельером, чтобы иметь модную работу и выдумывать шедевры искусства. Но в реальности пришлось создавать не то, что велела фантазия, а рабочую форму для сотрудников кафе, медучреждений, магазинов и клубов.

Постепенно работа, как и домашние хлопоты, начала казаться девушке бессмысленной. Забирая дни и месяцы, она мешала думать о чем-то неуловимом и важном, без чего пустеет душа и из жизни уходит внутреннее наполнение. Незаметно менялось чистое отношение к миру, искажался добрый, открытый характер.

Получалось, что время течет ради барахла и скудной зарплаты. Олеся делала вещи, которые через полгода обращались в прах. И носили их люди, которые, не являясь еще прахом физически, уже, – казалось Олесе, – были мертвы духовно. В их глазах девушка не находила ни огня, ни глубины, – в них были лишь жажда денег и потребительства.

Она приносила пользу обществу. Только что это было за общество? Корысть, ограниченность, продажность, внутренняя пустота... Мало кто мог глубоко чувствовать, совершать искренние поступки, быть порядочным человеком. Перед Олесей двигались нескончаемые цепочки бессодержательных лиц, отличавшихся лишь менее или более холодным выражением. Казалось, окружающие жили ради удовлетворения своих примитивных потребностей. А ей хотелось видеть в жизни некий возвышенный смысл. И становились противны заказчики: танцовщицы, демонстрировавшие своё тело кому попало – не так, как им хотелось из любви к искусству, а следуя пошлым вкусам пресыщенных клиентов... Врачи частных клиник, пачкавшие кровью придуманные Олесей красивые рубашки... Официантки, подкарауливавшие богатых женихов, готовые жить с ними без любви... Бизнесмены – бывшие бандиты – с неприемлемыми физиономиями... И прочие, прочие... Они напоминали ожившие мумии. И не представлялось возможности внести частичку света в серую пустоту... Изменить, в конце концов, мир, несмотря на избыток молодых сил! Ей захотелось бежать, лететь, ехать куда-то, лишь бы не видеть закоренелого, безнадежного, вгонявшего в уныние безобразия.

Сама себе Олеся также становилась противна: внешне она следовала моде и общепринятым правилам, говорила общепринятые слова, а внутренне походила на типаж «лишнего человека» из пресловутой школьной программы. Как Онегин и Печорин страдали от разорванности жизни, так и Олеся ощущала отстраненность от общества и желание создать новый мир – более чистый и светлый, более тонкий, более правильный. Построить идиллию, в которую ей хотелось верить, как Ленину – в коммунизм.

Личность, верящая в утопию, всегда конфликтует с окружающим миром.

Зато проходит свой, никем не навязанный путь. Вопрос «зачем жить?», терзавший подобных людей в любые времена, всегда оставался нерешенным, но никого не выбрасывал из бытия. Напротив, он выражал ощущение особенного, и совсем не лишнего, места на земле.

Реальный мир много веков катился, что называется, под откос, и, тем не менее, все еще существовал. Олесе приходилось в нем жить, и она начала с собственной мини-революции.

Изучив систему швейных производств, она организовала маленькое предприятие по изготовлению женской одежды, которое должно было стать образцом справедливости и тем самым улучшить мир. Однако обстоятельства тут же вынудили ее отступить от принципов. Олеся намеревалась честно и своевременно выплачивать сотрудникам достойную зарплату, но без обманов не удавалось сводить концы с концами. Получалась текучка кадров, тянулась череда обиженных, не виноватых в трудностях предприятия людей, у которых были иные жизни и свои проблемы – более серьезные, чем у Олеси.

Девушку давила гнетущая атмосфера. Она разрывалась между сочувствием к людям и желанием отвоевать себе место под солнцем.

Экономика страны оказалась не готовой к приходу Олеси. Революция не удалась. Идея создания идеального общества в масштабе одного предприятия потерпела крах, – как утопии всех времен, пытавшиеся взорвать реальный порядок вещей.

Нестерпимо гадко было у девушки на душе. Она не смогла заставить себя идти по головам, перешагивать через людей, поэтому распродала оборудование, ткани, изделия, заплатила сотрудникам и отправилась путешествовать. Поскольку всё вокруг казалось бессмысленным, она решила хотя бы посмотреть мир, надеясь, что дальше всё образуется.

Илья

Приехав в Петербург, Илья с удивлением обнаружил: не все окружающие знали, где находится огромный, вытянутый в форме рыбины остров – Сахалин. Никогда не интересовались окраиной страны, где первыми – в девятнадцатом веке – поселились освободившиеся каторжники и где бывал любимый многими Чехов. Где в советское время разрослись городки и поселки, и куда в постсоветское время вторглись запустение и разруха. Петербуржцы жили в прямом смысле на другом краю планеты: в другом времени, другом климате, с ощутимо несхожим менталитетом. Природа творила здесь разные занятные шутки: например, голубика созревала позже черники.

Новые знакомые, тоже часто приезжие из разных областей, знали родину Ильи лишь благодаря старой советской песне о проливе Лаперуза. «Сахалин? Да-да», – говорили они, пытаясь припомнить географическую карту.

Илья закончил на материке институт и вернулся на родину инженером. Работы не нашлось, и он по контракту отправился в армию. Недалеко, на Курильские острова, – территории, много лет оспариваемую Японией.

Серьезного, но домашнего парня мало интересовало военное дело – гораздо больше его занимали футбол и хоккей. Однако он не знал, где найти себе место, и к переменам в жизни относился легко. Новые, непривычные обязанности, появление подчиненных развлекали его.

Сперва молодой старлей ступил на землю острова Шумшу – с целью исследования японских катакомб. Остров насчитывал всего тридцать километров в длину, и в ширину – двадцать. Его побережья зарастали морской капустой, а в глубине находились пресные озёра, речки и болота. Илья не понимал, почему именно этот остров японцы избрали для строительства подземного города.

В сорок пятом, после взятия Берлина, значительная часть победителей отправилась на Дальний Восток выдворять японцев с Курил. Взятие Шумшу было главным событием в ходе Курильской операции. На острове находились многочисленные доты и дзоты, соединённые подземными галереями – подобно карельской «линии Маннергейма», а гарнизон насчитывал восемь тысяч человек и шестьдесят танков.

Илья бродил по острову, рассматривая следы далеких событий: укрепления, окопы, противотанковые рвы, складские помещения, оставленные японцами. По острову до сих пор были разбросаны остатки танков и самолётов, осколки снарядов, гильзы. Земля зияла воронками от бомбардировок. На доминирующей высоте нашлось несколько дотов, из которых могла простреливаться любая точка острова. Увиденное впечатляло, но он знал, что под землей скрыто намного больше.

Шумшу считался главной загадкой в цепочке Курил, поскольку внутри был полый. Жители говорили, будто в катакомбах все еще несут службу остатки японского гарнизона.

В день приезда Ильи дети местных военнослужащих пошли играть в поле, заваленное металлом со времен войны. Были там и блиндажи, и подземные ходы. Четверо мальчишек подорвались на mine, и, чтобы спасти их, пришлось вызывать вертолет. Так началась его мирная, но тревожная служба.

«А на Шумшу часто люди подрываются! Якобы на старых снарядах, – сказал Илье старик-сосед, обрусевший китаец Цзю. – Но это самурайских рук дело! Я сам долбил в камнях Шумшу катакомбы. Хорониться в них можно сто лет: боеприпасов и провианта навезено японцами очень много. И нас, строителей, – рекрутированных китайцев и корейцев – было много. Потом всех погрузили на баржи, вывезли в море и затопили. Мне удалось спастись и вплавь добраться до Камчатки».

До армии Илья не углублялся в политику и историю, считая их лживыми и мутными науками. История бесконечно кем-то менялась, и невозможно было толком ее понять. Политика интересовала попадавших в нее людей лишь как средство получения стабильного места, стабильной зарплаты и определенных благ. Сами политические процессы, изменение законов становились показательными играми власть имущих. Возможность влияния на них лично для Ильи исключалась. Его задачей было выжить и оставаться сильным мужчиной. Ведь когда-нибудь у него будет семья – в Выборге или в Петербурге – там, где найдет Олесю. Он знал, что найдет ее и станет главой семьи... А устройство мира казалось вторичным.

Государство распалось, народ потихоньку сливался с многочисленными соседями. Тем не менее, страна существовала и нуждалась в хорошо организованной армии.

Услышав рассказ старика, Илья поразился: вот где была настоящая, никому не известная история! В войну гарнизон Шумшу обладал самым современным оружием. Илья не понимал, ради чего в глубинах острова построили железную дорогу и два аэродрома с выходящими наверх взлетными полосами. Все знали о подземном городе, но до сих пор никто его не исследовал.

В августе сорок пятого бежавшие японцы скрылись в катакомбах. Советские саперы обрушили за ними входы. Илья взял двух солдат и подобрался с ними к завалу, из-под которого выходила одна из взлетно – посадочных полос. Расчистив землю, парни обнаружили находившийся в прекрасном состоянии бетон. Можно было раскопать подземелье, расчистить грязь и получить готовый аэропорт! Но такого приказа не поступало.

Сослуживцы недоумевали: для чего были начинены техникой «внутренности» Шумшу? Почему японцы уделили внимание не стратегическим проливам, а маленькому острову? Ядерная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки положила конец войне. Однако после этого они затеяли зверскую битву за Шумшу, оказали бешеное сопротивление советскому десанту. Чего ради? Они защищали нечто, что никак нельзя было отдать.

Японцы далеко продвинулись в те времена в разработках бактериологического оружия, и не исключалась возможность его нахождения в подземельях Шумшу. На такую мысль наталкивали засекреченность острова и отсутствие информации с японской стороны. Но война давно осталась в прошлом, не лучше ли было бы общими усилиями ликвидировать опасности и тайны? Извлечь выживших стариков и отправить их домой? Зачем они воюют теперь – быть может, не знают о дружественных русско-японских отношениях?

Илья склонялся к мысли, что обе стороны сдерживал страх. Даже японцы не могли знать, какие вирусы за многие десятки лет получились в их лаборатории на Шумшу. Изучив проекты сороковых, они полагали: будет лучше для всех, если оставить страшные разработки погребенными в недрах острова.

В одну из поездок на поля к Илье подошел охотник и, улыбаясь, позвал посмотреть добычу. Он показал старлею убитую лису. «Гляди, в ее желудке – рис, – сказал он. – Не в подземном ли бастионе она пожрала?»

Илья почувствовал забытое чувство удушья. Было дико видеть мертвую, распоротую лисицу, словно близкого кровного родственника...

Перед ним лежала жуткая, неправдоподобная разгадка. Скрытое в подземелье оружие – средство, помогавшее разрушенным человеческим телам выживать, бороться с катаклизмами. Дававшее возможность сознанию пересекать пространство и время.

Клочок вируса, вырвавшийся из лаборатории и попавший в поток океанского ветра, прилепился когда-то к умиравшему на берегу ребенку и навсегда изменил его жизнь.

Мертвая лиса была выбравшимся наружу – в поисках лекарств – старым японцем. Если бы только он мог рассказать Илье, как управлять бродившим в крови вирусом! Старлей, теряя сознание, оторвал кусок лисьей шерсти и сунул себе за пазуху, как талисман...

Повзрослевшая Олеся читала книгу, устроившись на скамейке у залива. В лицо ей дул сильный прохладный ветер – такой же, как на Курилах.

Одну ногу девушка закинула на спинку скамьи, другой задумчиво болтала в воздухе. Илья залюбовался обтянутым шортами изгибом бедер.

Подкравшись в высокой траве, он коснулся лапой ее босых пальцев. Олеся испуганно вскрикнула, но уже в следующий миг рассмеялась, вскочила и бросила книжку. «Лисенок, – кричала она, – ты тоже вырос!» Побежав за ним, споткнулась о корень дерева и, хохоча, свалилась в траву. Над ней беспорядочно качались ромашки. «Где ты, сладкий зверек? – звала она. – Хочу погладить твою шерстку!» Лис осторожно подошел и растянулся рядом, уткнувшись носом в девичий бок...

Он очнулся в одной из траншей, соединявших крытые галереи укреплений. Над ним хлопотали двое солдат, рядом была разложена аптечка. Не успев удивиться, Илья увидел перед собой два торчавших из земли провода.

В их военной машине нашлась «контролька» – лампочка в патроне, которой обычно проверяют наличие напряжения в сети. Он подсоединил «контрольку» к проводам, и лампочка вспыхнула.

«Ого», – парни переглянулись. В заброшенном, всегда безлюдном районе, где они находились, исключалось прохождение каких-либо действующих электролиний. Это значило, что под землей работали аккумуляторы! И они не могли быть довоенными: ни один аккумулятор не хранится столь долго! Очень велик был соблазн раскопать провода и узнать, куда они ведут. Парни уже схватились за лопаты, но Илья, совладав с собой, запретил раскопки: не хватало подорваться на mine.

«Найдите охотника, пусть избавится от лисы: животное скорее всего заразное», – приказал он.

Через несколько дней пришел приказ о срочном переводе Ильи на Итуруп – начальником связи. Он вздохнул с облегчением и больше вопросов не задавал.

Новый островок оказался вдвое меньше, но был более приветливым и зеленым. Он удивил только климатом: над головой палило яркое солнце, а рядом – в километре – лил ливень и грохотала гроза.

Илье сразу выделили квартиру и выдали мешок консервов.

Ему казалось: сжимая в руке клок японской шерсти, он овладевает тайной вируса. Ночами, обращаясь темным лисом, он рыскал по сверкающим огнями питерским улицам, нюхал путаницу следов и искал дом той, с которой в детстве бегал по лесу. Возможно, это было лишь самовнушением, так как Олеся в снах отсутствовала.

В те годы государство обязалось доставить любого демобилизованного в любую точку страны, куда бы он ни пожелал. Таким образом после армии Илья загрузился в поезд «Хабаровск-Санкт-Петербург». Проехав всю Россию с востока на запад, поглядев из окна на Байкал, он прибыл в Питер и озирает широко открытыми глазами чужой, но давно знакомый город. Ступал человеческими ногами по тем же мостовым и набережным, где некогда мелькали его шустрые лисьи лапы.

От перемены времени болела голова, и он зашел в аптеку за папазо-лом. Занял очередь за высокой девушкой. Рассматривая витрину, та немного повернула голову... Эмоции захлестнули Илью: он сразу узнал ее. Буйная радость перехватила дыхание! Перед ним были те же глубокие зеленые глаза, светлые пушистые волосы и веснушки. Хотелось закричать «здравствуй, Олеся!» и сразу заключить ее в объятия. Но, чтобы не испугать ее, Илья проговорил: «Девушка, давайте познакомимся?»

Олеся оглядела его, весело улыбнулась и просто ответила: «Давайте!»

Первый брак

Время до замужества шло медленно, за месяц Олеся словно проживала год.

«А теперь дни летят, словно вихрь, – говорила она Илье. – И мечты не исполняются. Любовь, наверное, иллюзия, а профессия – это всего лишь добывание денег, которые утекают, как вода. И получается, что все кругом – пустое... Я не хочу так жить. Совсем не так я представляла своё будущее. Конечно, не поздно его менять, но каким образом? Любые перемены – это постоянная война моралей, тошнотворные компромиссы и битва за свои права, которую я заведомо не выдержу. Да еще вокруг все твердят, что нужно жить оседло, иметь постоянную работу и рожать детей в строго определенный срок; ревностно драить полы и пылесосить, а летом и осенью по графику закатывать банки...»

Илья улыбался, ласково прижимал голову Олеся к груди и говорил: «Всё будет хорошо».

«Нет! – кричала Олеся. – Мне хочется по-своему! Не хочу прожить, как все эти несчастные потрепанные тетки!» Но смелости не хватало. И сомнения появлялись: а вдруг она не права?

Илья вздыхал, обнимал ее и предлагал посмотреть кино... Он отвечал ей, что всегда будет рядом, и всё у них сложится прекрасно, но она не слышала своего Лисенка.

«Звезда моя на синем небосклоне, когда-то ты вела меня, но где, в каких необъяснимых далах ты затерялась? – говорила Олеся. – Куда иду? И главное – зачем? Всё, всё не то, что быть могло бы...»

Олеся часто возвращалась мыслями в загадочный период своего детства, связанный с Калевалой, словно искала в обрывках памяти подсказку: как жить?

Манящая загадка направляла размышления Олеся в иное русло, и жизнь вновь начинала казаться яркой. Рождались новые мечты, которые хотелось сейчас же реализовать. Но на это не хватало смелости. Легко ли молодой, привлекательной особе решиться на лесное странствие в одиночку?

Многие соглашались поехать с Олесей, однако любые спутники рассеяли бы лесное очарование, помешали бы встрече с Большой Рыбой, а значит – лишили бы путешествие смысла. И всё-таки мечты жили, ожидая своего часа; они сглаживали своим сдержанным матовым свечением все неприятности.

Олеся знала, что мертвые являются живым лишь тогда, когда сами хотят, чтобы их увидели. Те, кто не успел выполнить миссию своей жизни, чья жизнь оборвалась внезапно и преждевременно, оставляют после себя сильный энергетический след, – от него и питаются видения. Оставалось непонятным, зачем они сделали своей избранницей маленькую девочку? Возможно, к ним никто, кроме Олеся, не забредал, и призраки всего лишь хотели поздравить ее с днем рождения. Когда-то они ходили по земле обычными людьми из плоти и крови и ничто человеческое им не было чуждо... Однако они необратимо перевернули всё ее существо: с четырех лет Олеся жила в двух мирах одновременно.

Копатели

Они копали «линию Маннергейма» и все попадавшие на пути места боев. Состоявших в отряде парней объединяла одна весомая черта – «гоблинство».

Они слушали панк-рок и поведением были бы схожи с панками, если б не страсть к деньгам, хорошей технике и дорогим предметам домашнего обихода.

Они все когда-нибудь умирали, но не умерли. Это были бывшие «псы войны», настолько привыкшие к облику смерти, что не могли без него обходиться. В Ленобласти они увлеченно доставали смерть из-под земли – в виде снарядов и незахороненных трупов.

Подсознательно у бывших солдат продолжалась внутренняя борьба: в реальности и в воображении играя своими и чужими жизнями, они подтверждали себе свою значимость на земле. Тянувшийся из прошлого пронизывающий страх бывал сладостно распят страстной смелостью души, что вызывало общее, им одним понятное веселье.

Они слыли склонными к агрессии националистами, пьяными водили машину, валялись в грязи, спали в лесу под дождем и на захолустных вокзалах. Они вскрывали ножами вытасканные из земли консервные банки времен Финской войны и уплетали их содержимое. «Не от голода, – говорил Антон, – а из принципа причастности».

Втянутые когда-то в боевые действия, они научились быть профессионалами. Но после войны им некуда было пойти с такими умениями. Военная служба в мирное время с ее дисциплиной не подходила анархично настроенным людям, как, впрочем, и остальные профессии, не требующие таланта выживания. Они могли бы стать спасателями, если б не подорванное на войне здоровье.

Несмотря на возможности льготного обучения в вузах и трудоустройства, все они чувствовали себя выброшенными из жизни общества. Они оставались иными... И образовывали союз, не принимавший чужих. Безжалостные, отстраненные, всегда готовые дать боевой отпор, они, казалось, ценили лишь одно – свои поездки в лес.

Официально они занимались поиском и установлением личностей погибших и пропавших без вести на Финской и Великой Отечественной войнах. Обезвреживали попадавшие боеприпасы – бесцеремонно, не особенно задумываясь о своей безопасности.

Они говорили, что уже видели свою смерть, получили у нее маленькую отсрочку и теперь делают жизни одолжение. А поскольку для этого нужны средства, ищут и реализовывают все, что стоит денег в специальных кругах. Это так называемый «хлам», «хабар» – предметы быта и военного снаряжения: чернильницы, ложки, финские национальные бубны, котелки, фляжки, и, конечно, каски, особенно немецкие «рогачи» образца 1916 года. Об оружии шел отдельный разговор.

Некоторые из единомышленников принимали наркотики или постепенно спивались, а кто-то волевым решением пресекал свою жизнь, добровольно присоединяясь к погибшим на фронте друзьям.

«Это потому, – говорил Антон, – что у нас трудна и жестока не только война, но и мирная жизнь – с ее непроходящими кризисами экономики и политики».

Многие бойцы, вернувшись домой, собирались работать, учиться, создавать семьи, но не сумели одолеть нудные житейские сложности. Становясь мнительными, обидчивыми, полагали, что их недооценивают, унижают. Их стремления и мечты не понимали ни родные, ни врачи, ни работодатели. Не было тем для разговоров с невоевавшими друзьями.

Парни вновь и вновь вспоминали о войне... И боевой энтузиазм солдат-мальчишек переворачивался, оборачиваясь отчаянием и протестными самоубийствами – словно мстью обидчикам.

Антону повезло больше. Единственному сыну обеспеченных родителей была прощена нелепая выходка. После госпиталя его вновь, но уже мягко, по жизненному пути направляла мама, не зная о безрассудстве сына в экспедициях.

Парень закончил юридический факультет. Уплетая предлагаемые на выбор вкусности и не задумываясь, откуда они берутся, Антон мог спокойно бравировать военными воспоминаниями и числиться ради стажа на низкооплачиваемой работе. Однако последствия контузии и психических встрясок порой накрывали и его...

Полоса обороны

*«Дед лесов седобородый,
Тапио, хозяин леса!
Пропусти героя в чащу,
Дай пройти через болота!..»*

(«Калевала»)⁶

Неужели среди ужасов войны никто не вспоминал ни Тапио, ни Нюрикки в багряной шапке, ни Тууликки, лесную деву? И кому помогали лесные духи, если карело-финны, воевавшие на стороне русских, были не менее близки им, чем те, кто обосновался на «линии Маннергейма»?

Главная полоса обороны, как помнила Олеся по скудным рассказам деда, состояла из вытянутой в линию системы узлов обороны. Туда входили дерево-земляные и каменно-бетонные укрепления, гранитные противотанковые надолбы и натянутая колючая проволока – против пехоты.

Узлы размещались неравномерно, промежутки между ними могли быть по восемь километров. Возможно, в детстве Олеся явился партизанский отряд, возвращавшийся после операции из финского тыла, в районе именно такого отрезка. Если, конечно, ее видение не относилось к двадцатому году...

Ёж

Летним днем пятнадцатилетняя Олеся впервые отправилась на кладбище: на день рождения деда.

Царство вечного покоя находилось среди лиственного леса. С цветка на цветок перелетали бабочки. Вокруг заветной могилы уже выросли молодые березки, весело шелестевшие листвой. В тонких ветвях одной из них торчало сбитое набекрень, недавно оставленное птенцами гнездо. Светило ласковое августовское солнце. «А смерть не так трагична, как жизнь», – подумала Олеся. – Лежишь себе, и ничего уже не предстоит, ни о чем не надо беспокоиться...»

С крупного потемневшего портрета на Олеся смотрел молодой Алексей. «Ёж!» – вновь осенила ее уверенность. Это был он...

«Эх, дед, дед, – ласково пожурела она. – Зачем ты не сказал мне правду? Видишь, я всё равно не забыла лесного, как ты говорил, сна. – Она присела у края могилы и стала вглядываться в изображение на камне. – Расскажи что-нибудь! Я хочу поговорить с тобой!»

Стояла почти полная тишина. Лишь беззаботно пели птицы и издали доносился гул экскаватора: где-то копали, приготавливаясь к завтрашним похоронам, новые могилы. С противоположной стороны долетали обрывки похоронного марша: в последний путь направлялся старый полковник армии.

Обстановка была обыденной. Здесь, как в прочих пунктах планеты, по-своему жили и работали люди. Кто-то обретал вечный покой, а кто-то загорал, подправляя лопатой края вырытой ямы и подставляя солнцу обнаженную спину.

Невдалеке шумел березовый лес. Олеся достала ватрушки, термос и приступила к трапезе: «В твою светлую память, дорогой Ёж!»

От мест былых сражений кладбище отличалось своей упорядоченностью. Здесь покоились люди, скончавшиеся, в основном, от старости, похороненные с почестями. В лесной земле, напротив, лежали молодые здоровые парни, застигнутые смертью врасплох. Кости их, быть может, перемешаны, а души не успокоены. Тем не менее, в лесах обыватели гуляют, веселятся, собирают грибы и ягоды, а на кладбище, в царстве покоя и мира – плачут... Почему? Это казалось неправильным.

Прохладный ветерок убаюкивал, неподвижность крестов вызывала чувство непоколебимой вечности. Время исчезло, окружающая обстановка умиротворяла душу. До электрички было далеко, спешить не хотелось. Наверно, Олеся задремала в траве, положив обернутую капюшоном голову на холмик могилы. Ей слышалась песня, которую дедушка напевал, занимаясь домашними делами. Она почувствовала себя уютно, словно в детстве на его диване...

«Ты тоже родился в России,
В краю полевом и лесном.
У нас в каждой песне береза,
Береза под каждым окном...»¹²

Молодой Алексей сидел рядом с Олесей, покусывая травинку. «Ну, здравствуй, неугомонная, – подмигнул он. – Что же тебе рассказать? О том, что бывает после смерти? Нет, это тебе не нужно. О том, что я хотел бы быть рядом с тобой, малышка? Ты и так это знаешь... Рассказать, как наш отряд бегом пробирался в глубоком финском тылу? Ты помнишь. Чем кончилась наша вылазка? О чем тут говорить, ты видела меня живым! Кусок хлеба, редкий часок сна и, если бы не боль в уставших ногах, всё было бы хорошо. Еще мешала ледяная корка на полушубке: пот, проходя сквозь одежду, остывал, и его схватывал мороз.

Человек привыкает к любой ситуации и перестает думать о противоестественности происходящего. Привыкает к усталости и боли. Машинально делает всё, что от него требуется, и просто живет! Молодость берет свое везде: поет, шутит, мечтает. На привалах растирает спиртом обмороженные конечности и придумывает ракатулеты – специальные костры, помогающие выживать в сорокоградусный мороз. Мы валили деревья одно на другое, места их соприкосновений рубили в бахрому и поджигали. Брёвна горели медленно, и от них шел сильный жар. Лежа в снегу, я искал сквозь мохнатые ветки Полярную звезду и Большую Медведицу».

Ровно через год шестнадцатилетняя Олеся вновь примчалась к могиле Алексея. Всё было по-прежнему, только березки немного подросли, и птичье гнездо виднелось на других ветвях.

Ёж ждал ее в том же месте – несколько постаревший, с проседью на висках.

«Здравствуй», – с видимым облегчением произнес Алексей. Ему неприятно было думать, что внучка забудет о его дне рождения и не придет.

После традиционной трапезы счастливая Олеся вновь уютно устроилась у могилки, всем сердцем чувствуя присутствие самого близкого ей человека.

«Скажи, как всё-таки началась Зимняя война⁸? Чего только ни рассказывают об этом!» – спросила девушка лишь затем, чтобы слышать его голос...

«Думаю, милая, – ответил дед, – не слишком важна теперь истина. Гораздо важнее возродить память погибших – русских, карел и финнов». Алексей прилег на траву, подперев голову рукой, и смотрел на Олесю с улыбкой. Жизнь на земле продолжалась: его малышка росла и познавала мир.

Ёж явился Олесе еще один раз – в ее семнадцать лет. Пожилым уже человеком, медлительным, невозмутимым, – таким, каким она помнила его в роли своего деда.

«Держись, Олесик, – сказал он ей. – Помни: не такое переживали. И цени жизнь».

В последующие годы, сколько бы ни навещала девушка могилу, сколько бы ни звала, Алексея больше не увидела.

В действительности Олеся была далека от войн. Войны – продолжение политики, а потому их события всегда имеют множество версий. Раздумья о них отнимают время и нагоняют в душу мрак. Много в истории казалось непонятным и запутанным настолько, что у Олеси не возникало желания вникать в подробности. Слишком мало смысла было в кровопролитиях, слишком много жестокости и боли стояло за сухими, сдержанно изложенными в книгах фактами. Грустно было представлять тысячи погибших бойцов, молодых мужчин, каждый из которых мог что-то создать, построить, написать. Каждого из них кто-то ждал и любил. Но они воспринимались командованием как безликие массы, которые требовалось лишь правильно распределить. И даже это не всегда делалось добросовестно.

Когда вставали в воображении страшные картины боёв, Олеся до слез жалела солдат. Ее разум не желал принимать информацию о военных действиях, но славные призраки и земля Калевалы продолжали манить к себе девушку.

Замужем

Многое в жизни Олеся делала неожиданно для самой себя. В том числе выходила замуж. Ее второй муж, Иван Денисович, певец-композитор, сочинял неплохие мелодии, но чаще переделывал существовавшие ранее. Однако его ценили. Он гордился своими успехами и своим отлично поставленным голосом. Как всякая творческая натура, он не выносил критики. Но, обладая стойким и даже чересчур агрессивным характером, он никогда не пасовал перед трудностями, не знал сомнений и неуверенности в себе. В двадцать пять лет он переехал из Украины в Петербург и неплохо устроил свой холостяцкий быт.

Олеся познакомилась с ним в вузе, где училась на заочном. Солнечным летним днем она зашла в университет узнать какую-то мелочь и на выходе столкнулась с представительным мужчиной лет пятидесяти, богатырского телосложения. Олеся приняла его за преподавателя и потому ответила на незатейливые вопросы, а после разговорилась с ним.

Иван Денисович подарил Олеся диск со своим портретом на обложке и заявил, что, поскольку она пишет стихи, он готов рассмотреть перспективу творческого альянса. Девушка подумала: а действительно, почему она до сих пор безвестна? И через неделю раздумий отправилась с папкой своих стихов к Ивану Денисовичу в гости – попробовать себя в роли создательницы песен.

Олеся не заподозрила Ивана в недобрых намерениях. Ей в голову не пришло, что он, зная о множестве творческих девушек вуза, просто стоял у входа, выбирая наивную амбициозную жертву... которую нетрудно было бы использовать, что называется, по полной программе... включая воровство авторских прав. И через некоторое время заявить, что она бездарна, что он ее не любит, и отправить восвояси. Именно этим Иван занимался до встречи со взбалмошной Олесей.

В то время она была замужем за Ильей. Но Лисенок наскучил Олеся, как она считала... Он увлекался просмотром спортивных программ и совершенно не понимал ее устремлений. С ним невозможно было куда-либо поехать, если на фешенебельную гостиницу не хватало денег: муж дорожил комфортом. Кроме того, все необходимое нужно было покупать на месте, так как чемоданы Илья терпеть не мог.

Он болел астмой и не умел плавать, на лыжах не ходил, на коньках не катался. Ничего, кроме газет и детективов, не читал; ни о чем более не мечтал. Он радовался тому, что любимая жена рядом, и был счастлив...

Феерических событий, которые нафантазировала себе Олеся о браке, не происходило. Вместо них навалились регулярные уборка и готовка, и она подумала: «Так вот в чем состоит семейная жизнь! И ради этого стоило выходить замуж?!»

Меж тем окружающие начали твердить о детях, которые, к радости юной жены, не получались. «Только этого мне не хватало», – вздыхала она.

В то время Олеся представляла брак с горячо любимым мужчиной как праздник, как полное единение двух сердец, как кульминацию красоты, романтики и секса на долгие годы. Кастрюли, швабры и горшки, крики, растрепанные волосы и суета не вписывались в ее идеалы. Она не верила, что может иметь нечто общее с замотанными женами, озабоченными рецептами, детсадами и прочей чепухой. Не понимала, как можно предавать свои мечты ради объектов, которые этого не оценят и даже не поймут. И зачем жить, мечась между кухней и скучнейшими зданиями инфраструктуры, если когда-то хотела совсем иного...

Эти люди казались ей попавшими в страшный капкан, а их жизни – разбитыми вдребезги и потерянными безвозвратно... Теоретически они являлись движущей силой человечества, и Олеся натужно лицемерила, восхищаясь их мужеством и их детьми. Понимающе качала головой в ответ на их жалобы. Старательно корчила печаль в ответ на вопрос «а ты еще не бере-

менна?» На самом деле всех их ей было безумно жаль. Олеся собиралась жить по-другому, но как именно – еще не знала.

Она встречала мужа идеально причесанной и привлекательно одетой, по-киношному сервировала стол, зажигала свечи. Любимый с аппетитом ел, нежно целовал ее и спешил к телевизору смотреть очередной матч. В свечах, песнях и долгих увлекательных беседах он не видел смысла и не понимал, что они были основой Олесиных представлений о счастье. Поэтому со временем ей показалось, что общение с мужем и вся их жизнь состоят лишь из однообразного быта.

Олеся не знала, как больно ей будет впоследствии от нехватки заботы и чувственной, сердечной ласки Лисенка. Однажды она сказала ему: «Не мучайся! Если за четыре года ты не понял, что мне нужно, то теперь уже ничего не поделаешь».

Она часто вспоминала потом слезы любимого, так и не понявшего ее чудачеств Ильи. Скучала по его запаху, по его почти отеческой нежности, по их тихому, уютному домоседству – без споров и утомительных рассуждений, без каких бы то ни было проблем! И говорила, что добровольно ушла из рая...

* * *

Иван Денисович жил в центре города, недалеко от метро. Впервые оказавшись в его квартире, Олеся сразу поняла, что действительно попала в дом к музыканту. Чистотой и интерьерами этот дом не блистал – хозяина столь суетные мелочи не интересовали. Немногочисленная мебель, оставшаяся с советских времен, была обшарпана, поцарапана и вызывала чувство брезгливости. Большую комнату заполняли кресло с драной обивкой, прикрытое сверху потертым леопардовым пледом, широкий стол, раскачанный табурет, небрежно закинутая одеялом постель с несколькими толстыми матрасами, две огромные гири, куча одежды в одном углу и куча бумаг в другом. Зато имелось множество музыкальных инструментов, пианино и синтезаторы, стоявшие целое состояние. На столе виднелись вазы с конфетами и фруктами, а стены были оклеены плакатами с фотографиями обнаженных женщин.

Иван Денисович усадил гостью в кресло, придвинул ей угощения, а сам стал читать ее стихи. Иногда он вскакивал, воодушевленный, мерил комнату широкими шагами и восклицал: «Отлично, очень хорошо! Замечательно!»

Олеся была уверена и в себе, и в прелести своих сочинений. Она видела, что композитору нравятся стихотворения, и ей было приятно. Никакой, однако, особенной радости она не испытывала. Наконец Иван Денисович уселся за синтезатор и стал играть свою музыку. Впрочем, свою ли? Возможно, это были выраженные в звуках чувства обманутой и никому не известной девушки.

Основную часть проигрывал компьютер, Иван лишь добавлял ритм. Музыка, однако, была чудесная: мелодичная, светлая, она трогала скрытые струны души. Олеся, давно уже лишенная, как она считала, романтических переживаний, почувствовала, что от восторга у нее перехватило дыхание. Она не помнила, когда последний раз испытывала столь сильные и возвышенные чувства, и испытывала ли вообще. Музыка будто унесла ее под облака; на глаза навернулись слёзы.

На это Иван и рассчитывал. Быть может, не одну чувствительную девушку он завлек эффектной композицией! Увидев, что гостья растрогана, хозяин резко оборвал мотив и обернулся к ней: «Ну что, альянс?» – «Альянс!» – воскликнула Олеся. «Тогда вот так, – Иван выхватил из ее папки листок, положил перед собой и начал подбирать мелодию...

«...И плещутся волны о голые камни,
И падают звезды с открытых небес!»

Я белая птица, и я ощущаю,
Как широко улыбается лес...»

«Причем тут лес, – пробормотал он. – Напишем про Питер, это актуальнее».

«Ээээ!!!» – запротестовала Олеся, но Иван лишь отмахнулся. Он тоже не интересовался, что творилось в ее душе...

Возмущенная девушка, тем не менее, заслушалась: песня получалась красивая. Однако через минуту импульсивный Иван вскочил и схватил гостью в объятия. Он начал покрывать поцелуями ее лицо и шею, восхищенно шепча: «Красавица моя! Талантик мой!» Олеся пыталась высвободиться. Во-первых, она еще была замужней дамой и считала, что не может позволить себе измену. Во-вторых, она представляла своим партнером только Илюшу и не испытывала к Ивану никаких чувств.

Она стала говорить, что нужно сперва завоевать ее сердце, а потом уже вести себя подобным образом, если он не хочет испортить едва сложившийся альянс. Иван изрек, что страсть бывает либо сразу, либо никогда. Олеся ответила, что в корне с ним не согласна. «К тому же, – спросила она, – зачем всё усложнять? Неужели нельзя писать песни без интима?» Иван заявил, что его такой поворот событий не устраивает: ему нужно либо всё, либо ничего.

«Что ж, хорошо, – ответила Олеся, – пусть будет ничего! Ты не менее и не более нуждаешься в моих стихах, чем я в твоей музыке! Так почему я должна подстраиваться? Ты привык к подстилкам-к ним и обращайся!» Она взяла свою папку, сумочку и направилась к двери. «Нет, ты так просто не уйдешь, нахалка! – Иван крепко схватил ее за запястье. – Ты отдаёшь себе отчет, с кем разговариваешь? Мне такие, как ты, в рот смотрят, каждое слово ловят!» – «Таких, как я, в мире больше нет, – холодно усмехнулась Олеся. – А что до твоих всяких разных, то это – не моя забота».

В отрочестве она занималась единоборствами и сумела высвободить руку, но противник оказался слишком силен. В ближнем бою ни один прием Олесе не удалось использовать. Иван повалил ее на кровать и придавил тяжестью своего плотного двухметрового тела... Он уже рвал застежку на ее красной блузке; позиция Олеси казалась безнадёжной. И всё-таки ей удалось вывернуться.

Окно было открыто; грязный тюль трепыхался от ветра где-то в конце карниза. Подхватив свои вещи, Олеся вскочила на подоконник и взглянула вниз: второй этаж...

Её ботинки имели упругую толстую подошву...

«Грубый агрессор! – крикнула она. – Лучше выйти в окно, чем перешагнуть через свои чувства! – «Не смей!» – бросился к ней Иван, но опоздал. Крепкие ноги Олеси уже мягко спружинили на дворовом асфальте.

Она убежала, и всё обошлось бы благополучно, если бы не старая детская травма. В метро у девушки разболелось колено.

Иван Денисович чувствовал себя скорее оскорбленным, чем виноватым, однако позвонил Олесе в тот же вечер. Ему не терпелось высказать своё мнение о ее женской глупости. Узнав, что незадачливая гостья в больнице, он тут же примчался туда.

«Тебя надо драть плетьюми, чтобы впредь не изгалялась над серьезными людьми¹³!» – сказал он, но вскоре уже твердил, что любит ее, сумасшедшую, а она смеялась: «Старый пень! Похабник! Тебе плевать, что у меня на душе... Когда уходит молодость, душа уже ни к чему, да? Нужно ловить последние материальные мгновения?!»

Иван, игнорируя насмешки, говорил: «Лучше что-то одно, но хорошо! Поверь, ты будешь довольна! Будь со мной, и я сделаю для тебя всё, ты станешь состоятельной и независимой. Я даже пойму тебя, когда ты найдешь другого, с более широкими возможностями, и перейдешь под его опеку!»

Олесе стало противно, – он судил о ней по своим прежним пассиям, – и одновременно приятно: достаточно неординарный и влиятельный человек практически валялся у нее в ногах. Но она была равнодушна к славе и к большим деньгам. Она мечтала о прогулках по радуге и о карельских лесах...

Они препирались долгие для Ивана Денисовича месяцы. Он не понимал мотивов поведения Олеси, и это сводило его с ума. Сначала он считал, что Олеся отказывает ему из-за любви к мужу, ревновал и выливал бочки грязи на весь мужской пол – в попытках доказать, что ее муж не идеален и доверия не достоин. Потом, глядя дома в плохо протертое зеркало на свои изменившиеся черты, обвисшую на щеках кожу, он внезапно почувствовал безнадежность. Наверно, Олеся считает его уродливым и старым...

Ивана потянуло к обновлению, и он с опаской заглянул в салон красоты. Там, под умелыми руками симпатичных женщин, он вымученно заглянул в другое зеркало, которое ничем не смогло утешить.

«Коррекция внешности нужна абсолютно всем, – сказала Ивану молодая парикмахерша. – Давайте вернем вам обычный цвет волос!»

Вскоре шевелюра Ивана Денисовича стала модно подстриженной и темно-русой. Затем мастерица наложила на его лицо освежающую маску, а после принялась наводить карандашом штрихи, неотличимые от природных красок. Иван с удивлением увидел в зеркале, что линия бровей стала ровнее и разрез глаз удлинился. Даже морщины возле рта и под глазами почти исчезли.

Не добившись от Олеси взаимности после манипуляций с внешностью, Иван Денисович решил, что она ему не верит. Он стал приглашать ее на свои концерты, познакомил с сотрудниками и родственниками. Но Олеся ничего не принимала всерьёз. Он злился до бешенства и постепенно по-настоящему потерял голову – от страсти ли, от истинной ли любви или от собственного упрямства. Он безумно хотел ее, но больше не набрасывался, боясь потерять, а она позволяла лишь целовать руку. Кроме того, бестолковая девчонка отказывалась садиться в его облезлую, как она выражалась, «Волгу»! Говорила, что для нее это позорно и лучше ходить пешком, чем ездить на такой колыхаге. В конце концов, она спровоцировала скряжническую душу на покупку новой машины. Но и новенькая «Тойота» имела малый успех. Олеся, не отвергая Ивана решительно, не ценила его внимания.

Иван Денисович не раз пытался забыть о сумасбродке, не звонил ей по две недели, но, в конце концов, сдавался и снова набирал ее номер, с нетерпением ожидая звуков нежного, чарующего голоса.

Сюжет казался банальным: пятидесятипятилетний эгоист и молодая сумасбродка. Со множеством недостатков, как любой человек. Что в ней таится, из-за чего взрослый, серьезный мужчина может тронуться умом? Она не только молода, она непостижима, а потому всё в ней кажется особенным. Это тупик. Она не реагирует на дифирамбы, понимая, что интересом к себе обязана не столько своим красоте, тонкой душе и таланту, сколько молодости, которая быстротечна. Она не хочет никому приносить эту молодость в жертву и жаждет свободы. Она эмоциональна, чувствительна, неустойчива в жизни, но почему-то пытается играть обратную роль и не стремится создать для себя хоть что-то стабильное. Не тяготеет ни к комфорту, ни к карьере, ни к обывательским ценностям, как водится у всех благоразумных девушек.

Она не знает, что ей нужно, а потому ее нечем подкупить.

* * *

После развода с Ильей Олеся задумалась, как жить дальше. Полное одиночество не прельщало ее – она стала взрослой женщиной, но свободные и, тем более, беспорядочные отношения шли вразрез с ее воспитанием. Знакомых мужчин было много, но каждый из них обещал

после свадьбы стать более скучным, чем ее Лисенок... Кроме того, уступал Илье в красоте, благородстве и... во всем! Она любила Илью далекой от идеала любовью, которую можно не заметить в погоне за чем-то сверхъестественным, ожидание которого свойственно молодости.

Олеся едва уговорила Илью на развод. Ей хотелось искр жизни. Однако вскоре пришлось задуматься: а чего ждать от мира, в котором с ее неуравновешенным, диким характером и бедственно ранимой душой не выжить одной? Олеся нужен был защитник и своего рода опекун, прочная крепость... И не сбежала ли она только что из этой крепости, от своей мечты? Обидев любящего, порядочного человека... Который показался ей безнадежно скучным, неинтересным... Который не понимал ее душу, ее увлечения, ее странности... Но который вкусно кормил ее, всячески баловал и говорил, что она для него – вечная загадка... И может ли вообще один человек понимать другого полностью? И нужно ли это на самом деле для семейной жизни?

Она не знала, зачем живет на свете и, в целом, зачем нужен этот свет. Мучительно и безуспешно искала смысл жизни... Еще недавно она винила во всех печалях Илью, единственную радость своего сердца, что нередко случается между близкими людьми...

После развода философские тяготы отошли на второй план. Теперь жить не хотелось от тоски по Илье. Она согласилась бы уже ничего не менять в их жизни, лишь бы он снова был рядом. Она растерянно задавала себе вопрос: зачем было разводиться? Она предложила Лисенку жениться снова, но тот надулся и из принципа отказался.

Олеся очутилась в многочисленной армии разведенков – часто обиженных на жизнь, на мужчин, живущих тяжело и конкурирующих друг с другом. Несмотря на то, что многие после развода чувствовали облегчение и радость, их принято было жалеть. В этом вопросе общественное мнение современного общества формировалось по схеме позапрошлого века. Олеся стало неуютно и неприятно в новой роли. Захотелось убежать от бестолковой, запутавшейся себя и ничего больше не видеть. Словно умереть, оставшись при этом жить физически – на всякий случай. Вдруг когда-нибудь ради чего-нибудь она выйдет из полумертвого сна, словно через тысячу лет, с ничем не замутненным разумом? Но умирать Олеся не была готова. На самом дне ее разочарованной души теплилась надежда, похожая на детскую веру в чудеса.

Она решила второй раз выйти замуж. На этот раз – за яркого, фееричного человека, который наполнил бы искрами и весельем ее грустную, непонятную жизнь. В связи с этим она обратила, наконец, внимание на Ивана Денисовича.

Вздорный старикашка был вовсе не старым, обладал привлекательной внешностью и, несмотря на агрессивность, во всех отношениях казался надежным. Он был внимателен к ней, выслушивал и умело подбадривал ее, всякий раз умудряясь поднять настроение. Олеся постепенно привыкла к нему, оправдала и простила его давний проступок. Она почувствовала расположение к нему и однажды – под влиянием усталости – сказала, что, если он сумеет пробудить в ее сердце влюбленность, она останется с ним.

Иван поменял за свою жизнь трех жен. Каждая принесла ему особенный фонтан счастья и каждая оскорбила его самолюбие; больше он жениться не собирался. Но Олеся... Здесь было о чем задуматься!

* * *

День ее второй свадьбы приближался медленно, но неуклонно. Однажды поздним воскресным вечером Олеся с Иваном и его дочерью от второго брака – своей ровесницей – возвращалась на машине с дачи.

У края узкой темной ночной дороги, на неровной границе асфальта и ивовых кустов, бесстрашно стояла темная лисица. Чернобурка. Свет фар на мгновение осветил ее упитанное пушистое туловище, красивый хвост, ее острую мордочку с черным носом, и удивительно ярко

отразился в ее больших зеленых глазах. В следующий миг машина промчалась мимо, а у Олеси осталось чувство, будто лиса заглянула ей в самое сердце.

«Вы видели лисицу?!!» – воскликнула девушка, но Женя недоуменно пожала плечами, а Иван пробурчал: «В этом районе лис нет». Олесе стало не по себе. «Ты пытаешься уберечь меня от новой ошибки, Илья? – тихо прошептала она. – Но почему? Ведь ты отказался жениться обратно. Может быть, временно? От обиды?»

Темноволосый зеленоглазый Илья, всегда напоминавший ей милого пушистого зверька, по-прежнему оставался ее самым близким Лисенком. В душе она знала ответ. Он любил ее, и это чувствовалось через расстояния. Он всегда был рядом, как ангел, прикрываясь вместо крыльев лисьей шкурой...

Олеся стряхнула наваждение, решив: «Они просто не успели заметить». Однако ровно через неделю в том же самом месте, только по другую сторону дороги, снова стояла, напряженно всматриваясь в салон машины, крупная яркоглазая лиса. И опять никто, кроме девушки, не видел ее, хотя не заметить подобное существо в непосредственной близости, в круге света казалось невозможным.

Всю дорогу до дома Олеся провела в испуге. Она четко осознала свою нежность к Илье, случайность и неправильность своего присутствия в чужой машине. Оставалось понять, каким образом можно повернуть события вспять. Но пришел новый день, и ее отстраненность вновь была сломлена тем, кто находился физически ближе лисицы.

Через неделю лиса явилась еще раз. Она казалась тощей и жалкой. Облезлая шерсть висела клочьями, тонкий хвост понуро лежал на земле, зеленые глаза глядели затравленно, словно исподлобья.

«Ты удручен... Твои доводы кончились, но ты все равно пытаешься... – с грустью подумала Олеся. – Прости!!!»

* * *

При посадке в длинный свадебный лимузин и всю дорогу до дворца бракосочетаний Олесю занимали лишь два вопроса: как теперь избежать регистрации и, если не получится, как объяснить произошедшее Илье?

Потайного выхода из дворца не нашлось, бегство не представлялось возможным. Отказаться выходить замуж под взглядами сотни человек она не решилась. Ей хотелось кричать: «Не хочу! Разойдитесь все по домам!» Но своих друзей она постыдилась позвать на свадьбу, а многие из гостей Ивана приехали из других городов и стран. Были оплачены банкет в дорогом ресторане, автобусы, лимузины, привезены горы подарков, и Олесе стало совестно и страшно сказать вслух то, что вертелось на языке.

Пол перед ней осыпали монетами. Разрумянившаяся, свежая и очень грустная невеста стояла среди нарядных, галдящих по-русски, по-украински и по-английски гостей в своем открытом нежно-желтом платье. Она напоминала сорванный минуту назад желтый цветок – символ измены, разлуки и предательства. Всё вокруг казалось ей нелепым фарсом.

Я переплывала моря, но всегда стремилась еще куда-то. Я могла менять свою судьбу по сотням сценариев... Впрочем, смогу и дальше... Но предательство невозможно отменить, оно случилось и стоит несмываемой кляксой на моей жизни! С ним придется жить... Я – предательница. Куда деть сознание своей мерзости?»

* * *

Олеся надеялась на взаимопонимание с новым мужем, хотя само выражение «новый муж» казалось анекдотом. Ее мужем оставался лишь один мужчина – бывший и единственный, как Родина.

Молодожены – оба – что-то творили, оба были уязвимы и горды. Для этой пары стало бы логичным поддерживать друг друга, но ничего подобного не получилось.

Иван полагал, что Олеся будет довольна им, но ошибся, а ей больше не хотелось скрывать свое равнодушие. Лежа в постели, она с тоской вспоминала ласкового, мягкого Илью, который во всем подходил ей, в отличие от огромного, агрессивного нового мужа. Она ушла от Ильи в поисках понимания и романтики, а устроила катастрофу...

Альянс тоже не состоялся. Люди, обладающие творческими способностями, часто с иронией и ревностью относятся к творчеству других, пытаются принижать его. Стихи Олеси были хороши, но ее жизненный опыт не мог равняться опыту Ивана Денисовича, которому, как ребенку, вздумалось выяснять, кто талантливее.

Обиженный по множеству иных поводов, он, словно высокомерный мальчик, называл жену «писакой» и «выскачкой». Она театрально кидала об пол чашки и начинала собирать свои вещи, – не зная толком, куда пойдет. Иван просил прощения, и она прощала.

Постепенно ссоры стали главным развлечением для Олеси. Она провоцировала вспышки мужниного гнева, чтобы побить посуду, а затем насладиться процессом примирения – которое, однако, никогда не бывало полным. Она сознавала, что испортила свою жизнь; хотелось верить, что лишь на время.

В голове вертелись строки из «Калевалы»:

«Так ли думала, гадала?
Я ждала иного в жизни.
Я хотела быть синичкой,
По холмам хотела кликать
В эти годы молодые...
...Но плыву в волнах холодных,
В ледяной воде я дрогну...»

Она ждала тишины, по-прежнему тоскуя о душевной близости с кем-то любящим и любимым. А Иван украдкой наблюдал за движениями Олеси, за ее лицом, и вспоминал строки Бальмонта:

«...И слова какого-то обета
Все твердит, взволнованно дыша.
У нее глаза морского цвета...
У нее неверная душа».

Совместной работы с Олесей Иван Денисович больше не хотел. Столкнувшись с ее скрытым, но буйным темпераментом, он уже не собирался создавать жене обещанную финансовую свободу. Своих денег, напротив, для нее не жалел и тем самым приучал к определённой зависимости: ни в чем себе не отказывать. У нее было всё, кроме личного автомобиля и путешествий. Но ее уже не привлекали увеселительные мероприятия. Она подолгу валялась в постели, страдая от приступов отвращения к миру и себе.

Она равнодушно относилась к кучам одежды и разного хлама в углах комнаты. «Зачем тратить на это время? – говорила она. – Моя жизнь слишком коротка, чтобы разменивать ее на ерунду».

Она писала в компьютере какие-то слова. Зевала и ждала, когда наступит вечер, чтобы сумерки скрыли серость улиц и вечно суетящихся людей. Чтобы дом напротив заискрился огнями, расплылся в каплях дождя и превратился в глаза лисицы...

Иван Денисович видел, что брак терпит крах. Когда-то он считал, что мягкой и впечатлительной девчонкой можно манипулировать. Она плакала над фильмами и книгами, плакала от жалости к больным старушкам, однако оказалась непослушной и непредсказуемой. Теперь он потакал ее прихотям, в надежде продлить время пребывания под одной крышей.

С тем, что ее душа витает неведомо где, он давно смирился. В сущности, Иван всегда знал, что ничего путного у них с Олесей не выйдет. В бизнес ее нельзя было допускать: она могла потеснить его самого. Сидя дома, она освоилась с синтезаторами и уже слагала мелодии, чем не радовала, а пугала мужа. К счастью, она не стремилась к известности и занималась этим лишь ради сладостного самоутешения.

«Отпусти меня на волю,
За туманы, за снега!
Я тоскую по просторам
И по замкам из песка,

– пела она. -

Нескончаемым дорогам,
Непонятым языкам,
И завидую немного
Легкокрылым журавлям...»

Иван слушал ее с тяжелым сердцем, чувствуя: ни любить, ни использовать Олесю в своих целях уже не удастся. Пусть она живет сама по себе... О разводе, однако, он слышать не хотел, а Олеся не спешила.

Ее характер от жизни с Иваном заметно испортился: она привыкла к лёгким деньгам и не желала вставать по утрам, напрягать себя малоинтересной деятельностью. Тем не менее, тешась мыслями о свободе, которая невозможна без личных средств, она принялась искать работу, и после долгих мытарств оказалась в качестве модельера-конструктора на кукольной фабрике.

Фабрика

Зарплата оказалась небольшой, а работа – скучной. Но для Олеси новая должность стала поводом уходить из дома и отвлекаться от своей тягучей печали.

Кабинет был наполнен всевозможными куклами – от пупсиков до громоздких Ксюш и Даш. В этом проявилась ирония судьбы: в детстве Олеся не играла в куклы; девчоночьи забавы казались ей тогда чем-то далёким от жизни.

На столе лежали листы бумаги. Непосвященные люди могли воскликнуть: «Зачем делать выкройки на куклу?! Смешно!» Однако с Марусь и Юрочек так же, как с людей, снимались многочисленные мерки, по обычным формулам производились расчеты и строились чертежи. Каждая кукла служила настоящей моделью, для которой нужно было создать коллекцию одежды. Если опытные образцы получались удачными, чертежи передавались лекальщику и коллекции запускались в производство. И только ответственности на кукольной фабрике было меньше, чем на предприятиях по пошиву одежды для людей: куклы не могли пожаловаться на неудобство.

Так же на столе находились образцы тканей и искусственных мехов – чтобы выдумывать наряды, исходя из возможностей фабрики.

В обед Олеся отпраивалась в столовую, каждый раз подсознательно надеясь увидеть в новом коллективе того, кого безуспешно искала всю жизнь... Порой начинало казаться: а может быть, неважно, какой ты и что за мысли у тебя в голове? Главное, чтобы тебя любили и чтобы ты был в состоянии отплатить тем же...

Иногда Олеся видела в столовой угрюмых молодых людей, обедавших поодиночке и ни с кем не общавшихся. Они не принадлежали к типу высоких брюнетов, который импонировал девушке, потому быстро перестали интересовать ее. Они тоже, казалось, игнорировали новую сотрудницу.

В одном кабинете с Олесей работала химик-технолог – интеллигентная, утонченная женщина лет пятидесяти пяти. Вела себя деликатно, и Олеся почувствовала к ней симпатию. Ирина Аркадьевна любила рассказывать о своей молодости, о путешествиях и романах, об интересных людях, с которыми встречалась. Олеся с удовольствием слушала. Они почти подружились.

Вскоре часть фабрики продали итальянцам под новое производство обуви, число помещений «кукольников» сократилось, и в комнате появилось еще несколько человек: недавно окончившие учебу технологи, конструктор – студент и угрюмый молодой человек, которого Олеся видела в столовой – юрист Антон.

Переехавшие нарушили комфортную атмосферу. Они без конца пили чай, кофе, жевали печенье, громко смеялись. Девушки обсуждали вечеринки, с серьезным видом изучали модные журналы. Конструктор Степа, желая подпитать интерес к себе, нарочито демонстрировал усталость от минувших разгульных ночей.

Юрист держался обособленно. О нем Ирина Аркадьевна сказала: «Мой друг». Но с Олесей мрачный, бледный и молчаливый Антон не разговаривал, – впрочем, он принципиально не здоровался и не разговаривал ни с кем из присутствующих, кроме Ирины Аркадьевны.

Он был невысок, худ, носил старомодные очки и длинные волосы, за которыми не ухаживал, – словом, хорошего впечатления не производил, и девушка с досадой подумала: «Почему прислали именно его? Будто нет других...» Но больше всего отталкивали злобный взгляд юриста и кривой оскал его напряженного лица.

Если молодые технологи спрашивали Антона о чем-то или звали разделить с ними трапезу, на его скулах начинали играть желваки. Он отвечал отрывисто и резко: «Нет».

Когда сотрудники попытались завести светский разговор, Антон проигнорировал их, зло выщедив себе под нос: «Суки!» – и, обругав их за глупость, ушел.

«Всегда злой. Не знаем, как говорить с ним, – вздохнула, зайдя в отдел, начальница, эффектная, крупная шестидесятилетняя дама. – Говорят, на войне таким стал. Нужна реабилитация».

В кабинете стоял большой мягкий диван. Еще недавно Олеся могла нежиться на его бархатистой поверхности. Теперь же с самого утра на нем по очереди спали молодые люди. Рассказы Ирины Аркадьевны прекратились. Она начала говорить с Антоном, явно отдавая ему предпочтение. Олеся чертила выкройки и лишь кратко отвечала, если женщина пыталась вовлечь ее в разговор.

Олеся почувствовала себя отшельницей и стала подумывать о том, чтобы искать другую работу. Что держит ее? В деньгах нужды нет, а новая деятельность – это новый жизненный виток, новые впечатления. Увольнение должно быть праздником! Зачем разминивать свои месяцы и годы на то, что не устраивает?

Постепенно девушка привыкла слушать чужие разговоры об истории и политике, стала с интересом вглядываться в Антона, когда он, монотонно рассказывая что-нибудь, расхаживал по кабинету.

От юриста веяло недоброй властной силой. Он бравировал сомнительными чертами характера: категоричностью, нахальством, презрением к людям и не стеснялся высказывать мысли, которые Олеся считала постыдными.

Взгляды интеллигентных женщин часто – вопреки здравому смыслу – притягивают грубые персонажи. Антон, наслаждаясь цинизмом собственных слов, рассказывал Ирине Аркадьевне о копанине: «Страсть к жизни оправдывает все. А для жизни нужны средства! Откопанные вещи кричат, что убитым ничего не нужно. Бери, пока живой! Имущество пропадает – извлекай пользу. Военная добыча – финал любой войны».

Он криво усмехался и с удовольствием выслушивал возмущенные, но сдержанные рассуждения коллеги о мародёрстве.

Его поведение было похоже на агрессивную защиту от окружающего мира, который ничем ему не угрожал. Порой этот умный, широкоплечий, много повидавший человек казался Олесе нервным ребенком. Это вновь отталкивало: ей нравились мужчины, готовые поддерживать, а не виснуть камнем на шее. Однако нарочитая грубость Антона странным образом граничила с ласковой, идущей от души мягкостью. Словно глубоко внутри он был очень нежен, либо избалован...

Олесе, далекой от военной психологии, было интересно наблюдать за ним и гадать, какой он на самом деле. А еще его интересно было слушать...

Помимо официальной работы на фабрике, Антон занимался военной археологией, отпуска проводил в экспедициях, писал научные статьи. Он шутил с серьёзным лицом и всерьёз говорил фразы, вызывавшие смех.

Он заявлял, что бросит работу и уйдет в лес, потому что труд при капитализме – это рабство. Он говорил: Я циник, как все археологи, особенно военные» и любил повторять, что цинизм – это высшая форма свободы. Но Олесе казалось, что Антон всего лишь пытается выделиться и убедить самого себя жить без оглядок. Или просто завоевать всеобщее внимание, а после сделать вид, что ему это не нужно.

Его темно-зеленые глаза смотрели в глаза Олеси с непонятным ей выражением. Никто и никогда не взирал на нее так... Взгляд этот был одинаково далек от попытки оценить, от интереса самца, от выражения дружеских симпатий, влюбленности или неприязни. Когда они оставались вдвоем в кабинете, Антон останавливался у стола, за которым сидела Олеся, и молча,

подолгу созерцал ее – другого слова она не находила. Однажды она не выдержала и сказала: «Может быть, ты хочешь лечь спать? Не стесняйся...» – Я никогда не стесняюсь», – ответил он. Так завязался первый разговор. Они почувствовали друг в друге нечто близкое, но не спешили подходить к разделявшему их барьеру.

«Почему ты не здороваешься с этими?» – Олеся кивнула в сторону столов шумных коллег. «Я позволяю себе некоторую роскошь, – сказал Антон, – общаться лишь с теми, кто мне интересен. Жизнь коротка и может оборваться в любой момент».

Вскоре наступил период отпусков, и они расстались, не перекинувшись больше ни словом.

Солнцепоклонница

Устроившись на работу, Олеся почувствовала себя рабыней системы, связанной бесконечными рутинными обязанностями и трудовым законодательством. Поэтому отпуск она восприняла как огромный, долгожданный и выстраданный глоток свободы. Желание странствовать охватило ее, как лихорадка. Снова нахлынули тоска по новизне и по туманной истине, жажда освобождения от неясных сомнений и стремление найти брошенный в детстве клинок. Минуты бродячей жизни показались необходимыми, как воздух.

Олеся собрала рюкзак, проигнорировав протесты Ивана Денисовича, которого, казалось, волновала не сохранность ее здоровья, а лишь возможность ее встречи с новым любовником.

Она могла бы проявить терпение, опутать Ивана женскими чарами и делать у него за спиной всё, что вздумается. Но то ли природная лень, то ли забытая порядочность не позволяли ей прибегать к обманам.

Она давно зареклась производить выгодное для себя и идущее вразрез с истиной впечатление. Кокетство казалось ей глупостью и кривляньем. Тем не менее, ей никогда не удавалось выглядеть именно такой, какой она была в действительности. В душе незаметно накапливались мелкие изменения, неожиданно вырывавшиеся из-под контроля и порождавшие противоречивые выходы.

Со стороны прихоть Олеси выглядела непонятной. Трястись в электричках, потом впроголодь брести в глуши от озера к озеру, надеясь найти в реальности далекую детскую грезу... Зачем? Но она с наслаждением шла целыми днями. Ее поглощало безмолвие полей, и приветливо принимали хвойные чащи. Иногда ее глаза уставали быстрее ног. Олеся садилась возле прохладного болота и заглядывала в мутную воду. Или валилась в ароматную траву и наблюдала за птицами... А потом снова брела по мягким мхам, перешагивая через черничные и брусничные кусты. Перебиралась по камням через речки, миновала мелкие озёра и присматривалась к более крупным.

Олеся знала лишь примерное направление. Меж тем дни безнадежного поиска стали для нее временем безмятежного счастья. Никто, кроме гнуса, не досаждал ей и не мешал. Она купалась, ловила рыбу маленьким спиннингом, чувствовала себя истинно свободной и завидовала древним полудиким людям.

Погода стояла ясная. Олеся любила солнце – солнце именно северное, так как в жарких странах она мгновенно обгорала.

В период путешествий девушка побывала в ЮАР и чуть не отдала там Богу душу из-за солнечного удара. После недельного беспомыслия и еще двухнедельных мучений, она почувствовала себя змеей в прямом смысле слова: кожа стала отходить толстым слоем. Но Олеся и в этом нашла развлечение – шокировать окружающих. Она брала топорщившийся высоко на бедре кусочек кожи и тянула его вниз, к стопе; снималась широкая полоса в половину человеческого роста. Люди, содрогаясь, отворачивались, просили прекратить это представление, а Олеся отпускала полупрозрачную плёнку лететь по ветру...

Северное солнце, напротив, вызывало благоговейные чувства. Оно – бог Ра на санскрите, дающий силы. И если некоторые карелы до сих пор верят в Большую Рыбу-бога, то Олеся была, скорее, солнцепоклонницей. Конечно, она была крещена в православной вере, иногда посещала церковь, но, видимо, оставалась язычницей. Истинные ощущения человека подвластны лишь природе... Олеся всегда чувствовала бога Ра как данность и знала, что он слышит ее...

Стояло солнечное, довольно сухое лето. Олеся безбоязненно засыпала в спальнике и встречала восходы у озёр. «Мне нечего жаловаться на жизнь, – думала она, – пока здесь тепло и светит солнце».

Клинок

В тот раз Олеся ночевала возле озера, мало чем отличавшегося от других. Скалы на берегу были выше, но ледники истерли их так же, как прочие. Она пришла сюда уже затемно и, не разводя костра, легла спать. Снилось ей огромная рыба голова, усатая и широкая, напоминавшая голову тюленя. Чудище лениво и удовлетворенно улыбалось.

Проснувшись перед рассветом, Олеся вспомнила: видеть рыбу во сне – к беременности. Эта мысль напугала ее. Однако голова рыбы была почти той же, что приснилась ей в детстве.

Звёзды меркли. Верхушки скал, видневшиеся за озером, порозовели. Олеся встала, повернув ладони к восходящему солнцу. Ее охватил восторженный, первобытный трепет. Появление солнца настолько взволновало девушку, что кровь забилась в висках. Она скинула одежду и нырнула в озеро. Холодная вода спокойной силой обволокла дрожащее тело.

«Плавание похоже на полет птицы, – подумала Олеся, выбираясь на мель. – Та же лёгкость, та же свобода движений!»

Она вышла на жестковатую, мокрую от росы траву. Но, нагнувшись за майкой, вместо своей одежды увидела под ногами снег, – белый, свежий, нетронутый. От него не веяло холодом, на нем не оставалось следов...

Справившись с оцепенением, Олеся отступила обратно, на узкую полосу прибрежного песка, но поскользнулась и упала в воду. Волнение обессилило ее. Олеся подползла к ближайшему камню и, положив на него голову, затихла, словно уснула...

Она очнулась в полдень. Тихие, едва заметные волны изредка касались ее пальцев. Стояла ясная летняя погода. Поодаль валялись ржавые консервные банки, пакеты из-под чипсов, оставленные туристами. Немного болела голова. Олеся села у кромки воды, машинально буравя ногами мягкую почву, но задуматься ни о чем не успела: песок, сдвинутый пятками, обнажил плоский, тонкий и продолговатый предмет, обтянутый целлофаном...

Зарыл ли здесь кто-то на счастье «секрет», как это делалось в детстве? Неважно... Олеся держала в руках свой клинок-еще более потемневший, скользкий. Она смотрела на зеленые от плесени руны и боялась поверить своим глазам. Какое сегодня число? Так и есть: день рождения... Клинок вернулся к ней... А чего она, собственно, искала здесь? Подтверждения тому, что детские видения были выдумкой?

Олеся побрела вдоль реки, позабыв о карте и компасе. Продукты кончались, и пора было поворачивать к ближайшему населенному пункту.

Но выходить к людям не хотелось.

«Всё движется, – думала Олеся, – переходит одно в другое. Когда-то здесь белела безжизненная пустыня, потом ледник сформировал вытянутые озёра, валуны, гладкие скалы... Интересно, во что превратятся они, когда исчезнет человечество? Когда не будет меня?»

Она шла мимо песчаных холмов, которые в суровую зиму 1939 года превратились в узлы сопротивления финской армии. На пути попадались узкие быстрые речки, поставленные перед войной гранитные надолбы. За ними шли ряды колючей проволоки, минные поля, бетонные ДОТы... Да, ей не показалось – ДОТы, макеты которых она когда-то рассматривала в музее Артиллерии.

Олеся уже почти с нетерпением ждала продолжения видений. И действительно – всё вокруг было вновь завалено снегом. Издалека доносились крики.

У солдат не было желания воевать. Они кричали: «Молотов, нет!»

Олеся увидела обмороженных, голодных и плохо экипированных людей, одноногих и одноруких, распоротые железом животы, развороченное мясо, кровавые и гнойные бинты...

Летнее солнце исчезло. Высокие сосны потрескивали от лютого мороза, которого не чувствовала Олеся. Некоторые из них лопались по всей длине. Промерзшая земля была похожа на застывший бетон. Шел сильный снегопад.

Такой зимы не случилось лет пятьдесят, но советское руководство отправило не подготовленную к войне Красную Армию «проучить зарвавшихся белофиннов»...

Девушка видела: солдаты выслушали задание командира и наставления политрука, а потом, утопая по пояс в снегу, пошли в атаку на высоту.

Олеся спряталась за камень: было страшно. Могут ли видеть ее все эти люди? Наверное, нет. Ей нечего было бояться. Но что-то зловещее носилось в воздухе, давило на сердце. Быть может, это была боль за солдат, осознание их безвестной гибели, безмолвная жалость.

В длиннополых шинелях, брезентовых сапогах и сползающих набок касках обмороженные красноармейцы медленно продвигались вперед. С дореволюционной винтовкой в руках, с двадцатью патронами и двумя гранатами они шли на финский ДЗОТ. Преодолев незамерзающую речушку, бойцы добрались до рядов колючей проволоки, и тишину разорвал шквальный огонь оборонявшихся финнов.

Ножниц для разрезания проволоки не хватало, и бойцы под огнем рубили ее саперными лопатками. Убитые падали в снег, дико кричали раненые.

Расчет пулемета скрывался за поставленным на лыжи бронещитом. Финские пули бились о него, высекая искры. Наконец, брошенная финским стрелком граната расколола бронещит пополам, и убитые пулеметчики покатались вниз по склону высоты...

Словно в порыве отчаяния, вперед рванулся танк – на помощь гибнущим товарищам. Он смял, как спички, колья с колючей проволокой. Финский стрелок бросил позицию и побежал куда-то, потеряв шапку. Танк в ту же секунду смял его окоп. Ухнуло башенное орудие, и ДЗОТ превратилась в комя мёрзлой земли, поломанные брёвна, расколотые камни. Танк резко развернулся, нащупывая очередную цель, но раздался выстрел из противотанкового ружья. Из двигателя вырвались языки пламени, и экипаж выпрыгнул в снег.

Через проходы в заграждениях в атаку вновь пошли красноармейцы, завязался рукопашный бой. Бросая полевые кухни и блиндажи, финны отступали...

Рядом с Олесей умирал молодой егеря. Он лежал лицом в снег, на рукаве виднелась нашивка Шюцкора – организации финской гражданской обороны. Каска упала, и слабый ветерок шевелил светлые волосы парня.

Хотелось помочь, обнять его обмякшие плечи, но переступить через время не получалось.

«Стоны слишком близко... – она слышала обрывки мыслей, мелькавшие в угасающем сознании егеря. – Нет, это мой голос... Неужели это мне так больно? Я не понимаю этой боли, я наблюдаю за собой откуда-то сбоку...»

Тем временем красноармейцы устроились отдыхать, закурили махорку, терли рукавицами обмороженные лица. Но неожиданно начался минометный обстрел...

И снег исчез. Олеся вновь ступала по зеленой траве, среди умиротворявшего летнего пейзажа. Лишь в ушах еще стояли вой, грохот и крики.

Войны не было, но она энергетически запечатлелась здесь и теперь явилась неподготовленным глазам. Все прежние огорчения показались девушке пустяками. Она не могла забыть образ белокурого финна.

Кто не видел войну, не сталкивался с ней так или иначе, не осознает ее трагедии. Олеся невольно заглянула в страшную глубину, и отшатнулась от ее дикости. Захотелось тотчас же стереть из памяти все увиденное, но что-то заставило ее пройти немного вперед и разворошить садовой лопаткой землю.

Олеся увидела гильзы, стала копать рядом и наткнулась на ржавую простреленную каску. Побоявшись увидеть останки, девушка отпрянула.

«Убитые зачем-то являются в мой мир, и я вижу их со стороны, – подумала она. – Не хотелось бы самой случайно перенестись в их зловещую зиму! Но, если они приходят в мое время, то должна быть дорога и в обратную сторону! Наверно, я слоняюсь призраком по их минному полю и не замечаю этого...»

Она опасалась вторгаться в усопшее прошлое, однако стала копать дальше, несколько в стороне. Лопатка сразу наткнулась на твердый материал и снова скользнула по сферической поверхности вниз. Олеся судорожным движением извлекла находку, соскоблила комья земли. Это была еще одна каска – рогатая, немецкая, из финского снаряжения. Приятно согрела мысль, что некогда ее носил тот самый блондин... Парень, давно превратившийся в желто-серый скелет...

Трухлявый череп блондина оказался рядом. Как ни странно, он не внушил Олеся ни страха, ни иных отрицательных эмоций. «Все мы, живущие, рано или поздно превратимся в потрепанные, подгнившие кости.

Вопрос лишь – когда и при каких обстоятельствах», – подумала она и долго стояла, сочувственно всматриваясь в то, что осталось от финна, и пыталась узнать черты его давно истлевшего лица. Зубы убитого – красивые, ровные – сохранились лучше тканей черепа и по сравнению с ним казались белыми... Повинуясь неожиданному побуждению, Олеся взяла череп в руки. Ощущения, что это останки человека, так и не появилось. Глазницы казались всего лишь облупленными дырами, а старая кость напоминала жестокий сувенир.

Олеся вспомнила древний скандинавский обычай – пить из позолоченного черепа врага. Но егерь не был врагом! Видение вызвало странную нежность к нему...

Поставив череп на камень, Олеся надела на него каску. Зрелище не пугало.

Не так страшны для впечатлительного человека скелеты, как больные и увечные живые, вызывающие сострадание и страх испытать нечто подобное, оказаться один на один с безжалостным, разрушающим тело злом. Боязнь, переходящую в навязчивую, долго преследующую сознание идею. А бульон, как говорили копатели, и есть бульон: мучения хозяина костей остались далеко позади – настолько далеко, что тонут в небытии и почти не тревожат воображение.

Олеся опустила череп обратно в яму и стала примерять каску себе на косынку. Внезапно она почувствовала рядом движение, пахнуло перегаром, кто-то схватил ее за плечи. Раздался грубый, хриплый смех. Олеся с отвращением взглянула в небритое багровое лицо, вдоль которого висели нечесанные засаленные волосы.

Страшно стало не от перспективы сделаться жертвой насилия – точнее, после долгого уединения неожиданно обрести любовника, а от того, что любовником этим будет грязный, смрадно пахнущий, омерзительный тип.

Напавший понял опасения Олеся и стал играть ее испугом: мощным рывком прижал девушку к себе и пытался укунить за ухо.

«Какой surprise! – скалясь, кричал он. – Как кстати!»

Олеся вывернулась: полупьяные – неловкие противники. Но рослый лохматый мужик принялся ловить ее. Видя, что ничего не выходит, он заорал: «Да каску, каску отдай, дурёха!»

Олеся заметила, что до сих пор сжимает рогач в руках. Что значит «отдай»? Это не ее каска! «Иди к черту!» – крикнула в ответ, но в следующий миг уже оказалась прижатой к дереву и боялась пошевелиться, чтобы внезапно не почувствовать боль. Противник ухмылялся и пытался вырвать у нее рогач. Олеся морщилась от тошнотворного запаха его дыхания. Она незаметно опустила руку вниз: примитивный болевой прием заставил мужика заорать. Олеся вырвалась, но не успела увернуться от удара. В голове загудело, помутилось. Она будто со стороны заметила, что ее тело катится по земле. Всё смешалось... Послышался финский мат...

Открыв через какое-то время глаза, Олеся увидела возле себя финского егеря – того самого, что вызвал в ней приступ отчаянной жалости. Однако сейчас он весело глядел на нее.

Финн протянул Олесе руку: «Nouse! Вставай!» Он был румян – никаких ввалившихся щек, никакой крови в уголках рта. Живой... Она огляделась: вокруг – лето, и лишь слегка похолодало. Пьяный агрессор исчез, местность переменялась, каска пропала...

Олеся, помедлив, нерешительно подала егерю руку, но не ощутила прикосновения. Тем не менее, некая сила всё же потянула ее вверх и поставила на ноги. Движение отдалось тупой болью в затылке, но все части тела были целы и послушны. Олеся улыбнулась: «Terve...»

«Jukka», – отозвался тот, и, помолчав, добавил: «Sun takia teen mita vain» («Для тебя я сделаю что угодно»).

Олеся разговорилась с парнем на смеси финского и русского языков. Временами егерь молчал, глядя на нее удивленно, словно издалека... В сущности, так оно и было. Олеся дотронулась до его светлых волос и опять ничего не почувствовала пальцами. Он понял ее разочарование. «Возьми, – сказал он, с улыбкой снимая новенькую шинель, – ты почувствуешь ее, – не то, что меня! И тебе не станет в ней жарко, – до твоего времени она почти истлеет. Но, пока ты здесь, пока носишь ее, ткань будет казаться новой...» – «У вас зима, подожди, не надо!» – воскликнула Олеся. Но егерь быстро ушел в метель.

Олесю изумило не столько появление Юкки, сколько само существование близкого, милого, словно давно знакомого образа. И его готовность воскреснуть от взгляда ее неравнодушных глаз.

Сплетения вечного с сиюминутным непредсказуемы. Неизвестно, где бред и фантазия обернутся реальностью. Люди пугаются призраков и предпочитают не верить в них. Смятение возникает от страха посмертного бесчувствия, словно оно для них – зло. Люди ставят предел своему страху, барьер перед всем непостижимым. Безопаснее и спокойнее для человека отрицать призраков и верить лишь в одно непостижимое – в Бога. Только надеясь на него, можно обрести безмятежность и покой при жизни. Покой, полезный для нравственного и физического здоровья, – все, что нужно на короткий век...

С небывалой силой мучил голод. Олеся присмотрелась к наручным часам. Они показывали вовсе не то число, что она ожидала увидеть – на три дня позже. Приходилось верить...

Дот

«Ей Богу, – клялся Лохматый, – девица как девица была, – в смысле, живая. Спальник ее, рюкзак – всё новое. Ну, ударил ее – сам испугался, что убил. А она упала и исчезла. Вместо нее финн из Шюцкора стоит, систему на меня направил. Я так и замер. Шевельнуться боюсь. А он посмотрел, посмотрел, зашел за сосну – и больше не появился. Только рогач на земле валяется...»

Из палатки слышался пьяный хохот.

«Больше не наливать», – вздохнул Антон.

Поисковая экспедиция, которой он руководил, проводила археологические исследования Карельского перешейка. Шестьдесят лет назад под Выборгом погибли тысячи русских и финских солдат, многие числились пропавшими без вести. Копатели, как они сами себя называли, хоронили останки, обезвреживали сохранившиеся боеприпасы и по ходу дела искали предметы, представлявшие разного рода ценность.

В плане стояла ДОТ «Сурмаярви – 3». Насколько Антон знал из архивных документов, эта огневая точка входила в состав крупного узла обороны «Сурмаярви» и прикрывала дорогу к железнодорожной развязке.

Узел состоял из нескольких ДОТов, окруженных галереями и траншеями. ДОТы-«миллионники» могли выдержать прямые попадания крупных снарядов. Они были, по сути, большими подземными крепостями и название свое получили от потраченных на постройку средств. Подходы к ДОТам блокировались колючей проволокой и гранитными противотанковыми надолбами. Господствующая высота 66.7, возле которой раскинули свой лагерь копатели, стала тогда местом жестоких боев. «Сурмаярви» пострадал от артиллерийского огня, а некоторые помещения советские сапёры взорвали после войны.

Одна из ДОТов имела три каземата. Два были теперь засыпаны, но сохранилась соединявшая их подземная галерея. Последний каземат находился дальше метров на тридцать и оказался почти не тронутым. После осмотра руин Антон предположил, что вход в первый каземат закрыт обрушившимся перекрытием, а внутри помещение цело. В нем могли находиться предметы снаряжения, оружие и останки гарнизона. Копатели попытались вскрыть вход в каземат лопатами, но масштаб разрушений был слишком велик. Они решили использовать экскаватор.

Отшельница

Олеся ела зеленую хвою. Держала во рту, пока та не становилась мягкой, и разжевывала. Сладковато-горькая масса со специфическим ароматом казалась вполне подходящим яством.

Олеся не сумела найти место, где лежали останки Юкки и где на нее напал перебравший «зеленого змия» человек. Но в километре от ели, под которой она очнулась, находился палаточный лагерь археологов. Олеся с осторожностью наблюдала за ними, ловила обрывки долевших фраз.

Копатели расслаблялись, отдыхая от города. Они тоже любили лес, но не щадили его тишины, – орали, гоготали, матерились. Удивительно, почему она не услышала их раньше. Неужели настолько была поглощена собой?

Лохматый рассказывал друзьям о девице-призраке, о том, как она ущипнула его и растворилась в пространстве, а вместо нее появился финский солдат из далёкой зимы. Все смеялись, а Олеся замирала... Ей хотелось слушать об этом снова и снова. А еще любопытно было смотреть, как отвратительный с виду Лохматый, звучно выговорив очередную похабщину, начинал смеяться. Его лицо становилось по-детски ясным и привлекательным.

Судя по всему, Олеся получила легкое сотрясение мозга. Хотелось лежать. Она вышла к заросшей речушке. По берегам криво росли мохнатые ели и крупные лопухи. Среди скал ютилась темная, очень маленькая рыбацкая избушка с щелью вместо окна, покосившимися замшелыми стенами, грязным осевшим полом...

Олеся набросала туда побольше мха и пролежала двое суток. Приятно было валяться, вдыхая влажный, пахнущий зверобоем воздух и рассматривая протянувшиеся над головой паутинки.

Ночью полная луна озарила лес, и ее серебро укрыло, как инеем, цветы и хвоинки. В оконную щель просунулась усатая мордочка лисы. Зеленые глаза с укором взглянули на девушку, но в следующий миг уже с облегчением и удовольствием прищурились, как у поевшего сметаны кота. Зверь запрыгнул в избушку и улегся рядом с Олесей, прижавшись своим мехом к ее боку. Потом, подумав, прополз дальше и обвил хвостом ее ноги.

«Теплый мой! – воскликнула Олеся. – Ты – чудо!» Лис смотрел ей в глаза, словно пытаясь образумить и вложить в ее мозг нечто, ей недоступное.

«Пушок, ты когда-то привел меня к этому ножу... Зачем? – спросила она. – Если б не твой любопытный нос, ничего этого не было бы... Жизнь шла бы по более складному сценарию...»

Лисица тяжело вздохнула.

«Да, знаю, ты тоже был маленький. Ты болел... Ты попал в другой конец страны и ничего не понимал... Бедный лесной малыш... – Олеся погладила лисью шерстку. – Неужели ты никогда не простишь мои предательства? Ты – моя боль...»

На глазах зверя выступили слезы. Он переполз к груди Олеси и затих.

Она уткнулась носом в теплое пушистое тельце и ощутила сонное умиротворение: «Он со мной... Мы вместе... Остальное преходяще...»

Почувствовав себя лучше, Олеся отправилась за продуктами. Находившееся в пяти километрах садоводство вобрало в себя, как она узнала из разговоров копателей, много объектов «линии Маннергейма»⁹. Бывшие укрепления попали в зону застройки и стали недоступными для военных археологов. На месте боев, где остались тела солдат, Олеся увидела красующиеся за высокими заборами дачи, собачьи будки, сортиры и бани.

«Неужто хозяевам не являются призраки? – вдруг подумала она. – Не с целью напугать или пообщаться, а хотя бы с просьбой не осквернять прах?»

Однажды к юной девушке, развалившейся в гамаке и жующей яблоко, подойдет усталый, обмороженный, заросший, но всё же красивый молодой человек в военной форме и скажет: «Пожалуйста, попроси отца перенести гальюн правее... А то грустно мне...»

Солдат попробует дотронуться до нее. Она, обмлевшая, замрет в испуге, но не почувствует прикосновения и испугается еще больше. Мать, собирающая крыжовник, воскликнет: «Что с тобой, Оля?» Оля расскажет о видении, и на следующий день ее повезут к психологу. Потом она скажет всем, что забыла о призраке, но будет вспоминать солдата...

Жизнь остаётся жизнью. Прошлая боль, судороги ужаса перемешиваются в ней с юмором и нежными чувствами. Парень-призрак был бы рад, если бы Оля читала в траве над его могилой книжки и пела песни. Если бы Олины родители занимались рядом с ним любовью. Это услаждало бы его молодую, не успевшую насытиться душу. Он чувствовал бы биения живых, счастливых сердец...»

Трое

Время от времени Олеся виделась с Южкой. Их странные встречи становились всё более похожими на свидания. Она надевала его шинель в знак своей неопределенной, но острой симпатии и собирала полевые цветы. Потом передавала букет в синееющие от холода руки Южки; он бережно прятал цветы за пазуху... Наверное, финны считали Южку помешанным: он разговаривал с пустотой.

Иногда перед Олесей вновь представляли картины затиший и боёв.

«Ур-ра!» – одиноко и нелепо кричал кто-то, но его вопль подхватывал другой человек, за ним еще несколько... Топотом и криком «ура» солдаты побеждали свой первый ужас.

Они путались в полах шинелей... что-то разрывалось рядом... В снегу оставались несколько человек, брошенных, как полупустые мешки...

Встречи Олеси с Южкой были короткими и зависели от хода боев. Порой он появлялся с синяками или в крови, и Олеся особенно ясно понимала: его нет... Однажды уже она видела его мёртвым... Не пламя великих походов отражалось на его лице, а равнодушие крайней усталости. И только присутствие Олеси оживляло его глубоко запавшие, словно подернутые мутной пленкой глаза...

Меж тем Маннергейм понимал, что русские измотаны, обморожены, что их артиллерия израсходовала боеприпасы, а танки – горючее. Он знал со слов пленных, что среди русских случались отказы идти в бой, и это влекло за собой множество смертных приговоров... Он посчитал, что пора переходить в наступление. Однако вскоре выяснилось, что шансы на успех невелики. Финны тоже дошли до предела усталости, неделями не отсыпались, и ничего, казалось, не могло заставить солдат взбодриться.

Лишь егерь Юкка улыбался, пряча у сердца новый букет полевых цветов.

«Как ты живешь среди войны? – с замиранием спрашивала Олеся. – Как тебе удаётся улыбаться среди ужаса и страха?»

«Мой страх привычен, – отвечал егерь, не сводя с нее своих светлых глаз. – Зачем говорить об этом? Пока я есть – смерти нет, когда она придет – меня уже не будет...»

Постепенно финской армии стало не хватать людей, и фронт растянулся. Отступление казалось неизбежностью.

Однажды Олеся увидела, как русский танк подтащил к финской ДОТ сани с красноармейцами. Пьяные финны играли на гармошке и весело кричали из дота: «Русся, сдавайся!» Но красноармейцы подвезли тол и подожгли бикфордовы шнуры.

И снова смерть уносила молодые жизни. Смерть одного человека – трагедия, гибель тысячи человек – уже статистика. «Как живут после этого командиры?» – не понимала Олеся.

«У меня почти весь полк poleg – и что, надо было себе пулю в лоб пустить?» – сказал кто-то.

«Вот так, – пожал плечами Юкка. – Мало того... Даже настоящего врага нет... Воюют потому, что сказали: «Надо». И враг тоже по присяге воюет! Спроси русских, финнов, немцев, англичан – кому хочется воевать? Дураков найдется мало. Каждому кажется: лишь бы вернуться домой, и начнется новая счастливая жизнь...»

Однажды земля вздрогнула: начался штурм линии Маннергейма.

Деревья, пни, камни, земля, чёрный дым – всё висело в воздухе, стоял сплошной гул...

Олеся привыкла к страшным видениям и смирилась с тем, что прошлое требовало ее внимания. Оно учило ценить мгновения своей жизни и не бояться смерти. Давало понимание вечности и мимолетности сиюминутного бытия.

Копатели, сами прошедшие войну, ко всему относились иначе. Они не могли жить без оружия и вида смерти. Их шутки казались Олесе кощунственными. Их веселая болтовня была порождением страшной, но уже минувшей реальности, в которой они отчего-то остались навсегда. В которой застряли их души. И теперь по карельскому лесу бродили лишь уцелевшие телесные оболочки...

У Юкки всё было наоборот: тело осталось в 1940-м, а душа витала рядом с Олесей.

Один из копателей, носивший кличку Волк, нашел среди болота скелет со штыком в тазобедренном суставе. Ужасное зрелище рассмешило всех, они гоготали: наверно, парень заслужил! Участники Зимней войны были спокойными и незлыми людьми и всадить штык ниже пояса могли только за дело... «Все станем скелетами или фрагментами скелетов, – сказал Волк, – и неизвестно, в каких позах и обстоятельствах. Естественное не должно отталкивать. Солдатик чувствует себя в компании пришедших на помощь сверстников!»

Копатели и грибники, которых те дразнили пехотой, очень редко забредали в сторону ее жилища. Потому, увидев в сумерках среди сосен трех молодых мужчин, Олеся, привыкшая к пересечению с прошлым, не удивилась и не встревожилась. Она приняла пришельцев за призраков и, не опасаясь быть замеченной, спокойно поднялась на скалу. Мужчины приблизились, и Олеся услышала: смеясь и перевирая мотив, они орал песню «Сектора Газа».

Она поздно поняла свою ошибку. Песня оборвалась; путники остановились.

Танец на скале

«Смотрите: она, – прошептал Лохматый. – Точно она – рост, фигура, волосы светлые. И в его шинели!» Все трое переглянулись. Действительно: высоко на камнях в свете первых звезд, стояла девушка в распахнутой шинели, под которой, казалось, не было ничего. Длинные волосы развевались по ветру. Поза ее была величественной. Не чувствовалось ни суеты, ни испуга, который испытывает в подобной ситуации любая женщина. Ничего, кроме довольства жизнью, достоинства и любопытства, не читалось в смутно видимых чертах ее лица, словно не человек стоял перед ними, а лесной дух.

«Походница! – сказал один. – Но хабар откуда? А, мало ли умельцев, – сшили!»

«Ты перебрал тогда, Лохматый, – добавил Волк, – не может она быть жмуриком».

Девушка смотрела на них не отрываясь, и все трое умолкли в нерешительности. Поблизости не было туристов! Любое перемещение «пехоты» они заметили бы сразу.

Лес лежал у ее ног; над головой всё ярче проявлялись звёзды. Копатели ждали, что будет дальше.

Дева-мираж поднялась на вершину скалы и, раскачиваясь, начала медленно поднимать руки. Вскоре будто из ее ладоней на небо выплыла луна. Шинель колыхалась вокруг плавно кружившегося светлого тела. Исполняла девушка ритуальный танец или преследовала некие, ей одной известные цели? Копателей захватило необычное зрелище.

Внезапно силуэт исчез. Присела танцовщица, перешла в иной мир или просто спрыгнула со скалы? Не будь происшествие столь странным, копатели полностью проигнорировали бы ее дальнейшую судьбу. Но сейчас трое, не сговариваясь, бросились ее искать.

Ушедшая в руины

Ее не было. «Зачем будить лихо, пока оно тихо?» – проворчал Лохматый.

Копатели провели тревожную ночь. Если раньше они верили рассказам о призраках процентов на восемнадцать, то сейчас каждый поневоле задумался: а вдруг?

Ничто не нарушало тишины. Антон думал о странной танцовщице, и ее образ начинал казаться смутно знакомым. Быть может, потому, что подобный типаж всегда внушал ему симпатию?

Ее поведение казалось необъяснимым. Нахлынули мысли: а не ее ли в отрочестве, шныряя по лесу, он представлял рядом, не ее ли незримое присутствие ощущал, не с ней ли подолгу беседовал в глуши? Не она ли отвечала ему тогда молчаливым пониманием? И не ее ли он пытался угадать во всех встречавшихся женщинах? То была жуткая по сентиментальности тайна – наивная до постыдности... А именно – абстрактная женщина его мечты, явление духовное, возвышенное и чистое, словно полупрозрачное облачко... Появлявшееся и исчезающее так же внезапно, как сегодня прекрасное существо на скале.

«Нет, – резко стряхнул он с себя навязчивые мысли, – какой бред...» Однако следующим вечером Антон тайком отправился к скале лунной девы. Простоял там, спрятавшись, часа три, но девушка не появилась.

Небо затянулось тучами, рано стемнело. Ночью пошел сильный дождь. Слабая палатка, где спали Лохматый и Антон, протекла, и они, замерзнув, проснулись посреди лужи. Забрались в джип приятеля, устроились кое-как, но Антону не спалось. Тянулись минуты, часы, в голову снова лезли нездоровые мысли.

Уснуть так и не удалось, начало светать. Внезапно через приоткрытое окно Антон услышал шорох быстрых шагов: под чьими-то ногами тихонько хрустели ветки... На краю поляны появилась она.

Она то шла, то кружилась, то бежала вприпрыжку, промокшая, в венке из березовых веток, весело поднимая ладони к серому небу, и пела по-фински... с акцентом... русскую песню про ивушку зеленую!

“Paju vihertävä,
Joen yllä kumartunen,
Sinä sano, älä salai,
Missä on minim rakkaus!”

Это было совсем уж занятно! Антон осторожно вылез из машины, прихватив на всякий случай лопату, и стал подходить к девушке сбоку, скрываясь за елками. С ветвей на него текла вода, в окружающей обстановке не наблюдалось ничего нереального.

Резвящаяся нимфа была одета в ту же шинель, и при резких движениях открывались до бедер ее бледные обнаженные ноги. Приятное зрелище – только и всего... Антон уже собирался нагнать ее, схватить за руку и убедиться в розыгрыше, но девушка пошла быстрее и оторвалась в расстоянии.

«Эй!» – позвал Антон. Реакции не последовало. «Нам невежливые не нужны», – с досадой пробурчал он, не прекращая преследования.

Она взбежала на высоту, приблизилась к руинам ДОТ, добралась до еще не исследованного Антоном восточного каземата, наклонилась и снова исчезла.

Антон осмотрел окрестности, не выпуская из виду ДОТ – нигде не было ни души. Тогда он решил спуститься в каземат и покончить с загадками.

Сквозь толщи паутины виднелись еле державшиеся на ржавых петлях двери, разбухшие от сырости обломки бревен. Пол, заросший белой травой и бесцветными, не знавшими солнца цветами. Из трещины в трещину переползали непуганые жуки. Следов незнакомки не наблюдалось... Нога человека не ступала здесь более полувека.

Внезапно Антон ударился обо что-то головой, и гнилая притолока обрушилась на него каскадом личинок, земли и пыли. Он замер, ожидая, пока осядет удушливое облако, но и затем не увидел ничего, кроме блёклой подземной жизни.

Не желая верить своим глазам, Антон долго всматривался при свете фонаря в пустоту. Здесь никогда не было той, кого он искал!

Олеся шла по лесу за Юккой. Белокурый егерь смеялся, манил ее жестами и напевал старую песенку, она пыталась подпевать ему. В душе царило лёгкое, бездумное счастье.

Юкка видел Олеся полуобнаженной, покрасневшейся, бегущей по зимнему лесу в зеленом венке. Она не оставляла следов на сугробах, не стряхивала снежинки с сосновых лап, задев их. На сорокаградусном морозе от ее губ не шел пар.

Олеся видела Юкку среди летнего леса зябнувшим, в меховых рукавицах, с инеем на щеках и на серой шерстяной, наглухо застегнутой под подбородком шапке.

«Идем, идем», – Юкка звал ее всё дальше, быстро двигаясь между гранитных надолбов, перепрыгивая через заросшие траншеи. Олеся внимательно смотрела под ноги, чтобы не наступить на куски ржавой колючей проволоки. Она поднялась вслед за Юккой на гребень господствующей высоты, откуда местность просматривалась на полкилометра, и спустилась в финский ДОТ.

Копатели не далее как вчера вскрывали здесь экскаватором засыпанную галерею. Но Олеся обнаружила подземную крепость новой, неповрежденной. Галерея, соединявшая казематы, служила казармой. Олеся увидела ложки и каски – колпаки, как выражались копатели, – но не увидела людей. В ДОТе было совершенно тихо – во всяком случае, для нее.

Каземат, куда позвал ее Юкка, оказался длиной метров пять, а шириной три – размером с обычную городскую комнату, но низкий потолок можно было достать рукой. Боевых амбразур каземат не имел и использовался как склад амуниции, продовольствия, боеприпасов. Здесь же находилась автономная электростанция с бензиновым двигателем: ДОТ могла существовать в условиях полной блокады.

Юкка наконец согрелся, раздумячился и присел на деревянную тюльку.

Усталый, с воспаленными от бессонных ночей глазами, он выглядел, тем не менее, счастливым. Он хотел нравиться Олесе и пытался шутить.

Что он думал о месте планеты Земля во Вселенной, о русских соседях, о мировой революции? О самой Олесе, ворвавшейся в последний месяц его земной жизни, призраком непонятного будущего? Языковой барьер мешал им беседовать на сложные темы, и, начав серьезные рассуждения, они быстро скатывались на смех. Забавными и бесконечно милыми казались обоим неуклюжие попытки другого говорить на чужом языке. Однако парень заглядывал Олесе в душу. Казалось, он видит и понимает в ней всё, и было жаль терять эту бесценную гармонию. Всё существо Олеси требовало его любви, его присутствия в двадцать первом веке. Ей хотелось спасти егеря хотя бы для века двадцатого, заставить его спрятаться и избежать злосчастной атаки, но это было невозможно. Случившееся не имеет обратного хода!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.